

Оглавление

Введение.....	2
Глава 1. Образ учителя в литературе Советского периода.....	10
1.1. Канонический образ учителя и его реализация в литературе 20-50-х гг..	10
1.2. Трансформация образа учителя в литературе 60-80-х гг.....	22
Глава 2. Трансформация образа учителя в современной русской литературе.....	28
2.1. Образ учителя в прозе перестроечного и постсоветского периодов (середина 80-х – 90-е гг.).....	28
2.2. Образ учителя в литературе начала XXI века .	47
2.2.1. Образ учителя в произведениях гиперреализма.....	50
2.2.2. Образ учителя в женской прозе.....	59
Заключение.....	67
Библиографический список	73

Введение

Учитель является знаковой фигурой в любом обществе. Он воплощает в себе идеологический культурный тип, который, если не является идеалом, то, во всяком случае, транслирует основные ценности конкретного социума в определенный исторический момент.

В настоящее время в России проблемы школы являются значимыми для широкой общественности и часто становятся предметом обсуждений и дискуссий. Не менее обсуждаемой является и личность самого школьного учителя. Многие исследователи и критики говорят об исчезновении авторитета педагога. Журналист Владимир Жуков в статье «Школа и насилие: семь мифов о гуманизации школьного образования» говорит о превращении учителя в «функцию»: «потому как он и сам получает задание как функция и на выходе должен выдать опять-таки ученика-функцию»¹. А ювенолог Александр Тарасов, заведующий отделом социологического центра «Феникс», пишет, что «учителя, традиционно пользовавшиеся всеобщим уважением, превратились в “обслужу”, уравнившись в правах с уборщицами и продавцами»².

В связи с тем, что данная проблема остро актуальна в современном обществе, многие художники слова обращаются к ней в своих произведениях. Соответственно, **целью** нашей работы является исследование образа учителя в современной русской литературе. Для реализации данной цели мы поставили перед собой ряд **задач**:

1) выявить в русской литературе XX и начала XXI вв. корпус прозаических текстов, в которых присутствует образ учителя;

1 Жуков В. Школа и насилие: семь мифов о гуманизации школьного образования // Дружба народов. 2009. № 1. С. 181–191

2 Эскалация насилия в школах: за 2 года количество нападения на учителей выросло в полтора раза. – Новости России: интернет портал URL: <http://www.newsru.com/russia/18may2007/school.html> (дата обращения: 10.03.2016)

2) выявить канонический образ учителя в русской литературе и проследить трансформацию данного образа на протяжении XX и начала XXI вв.;

3) показать влияние эстетических направлений на изображение образа учителя в художественной литературе изучаемых периодов;

4) обозначить основные тенденции формирования образа учителя в русской литературе обозначенных периодов;

5) охарактеризовать особенности образа учителя в современной литературе;

6) показать связь образа учителя с особенностями литературного процесса нулевых годов.

Материалом исследования стали исторические сведения о положении учителя в обществе XX-XXI вв., тексты художественных произведений, в которых присутствует образ учителя и критика на данные произведения.

Следовательно, **объектом** нашего исследования является корпус художественных текстов, созданных в XX-XXI вв., в которых присутствует образ учителя. Более подробно мы останавливаемся на анализе следующих произведений:

- 20-50 гг. XX в.: «Педагогическая поэма» А. С. Макаренко, «Песчаная учительница» А. Платонова, «Мой класс» Вигдоровой Ф.А.;
- 60-80 гг. XX в.: «Безумная Евдокия» А. Алексина, «Чучело» В. Железникова, «Ключ без права передачи» Г. Полонского, «Уроки французского» В. Распутина;
- 80-90 гг. XX в.: «Круг» Л. Симоновой, «Географ глобус пропил» А. Иванова, «Нежный возраст» А. Геласимова;

- Начало XXI в.: «Пластилин» В. Сигарева, «Место для шага вперед» Е. Георгиевской, «Как дневник. Рассказы учительницы» М. Аромштам и «Елка. Из школы с любовью, или Дневник учительницы» О. Камаевой.

Предметом исследования стали художественные стратегии разработки образа учителя, отразившиеся в предложенных для анализа текстах.

Методологической основой дипломной работы стал комплексный подход к литературному произведению и литературному процессу. В работе использованы культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный и историко-типологический методы. Для культурно-исторического подхода предметом исследования должен являться тип героя, сложившийся в определенном обществе и отразившийся в литературе. Следовательно, данный метод позволил выявить и описать влияние общественно-политической жизни общества на изображение образа учителя в художественной литературе изучаемого периода. Сравнительно-сопоставительный метод обусловил проведение параллелей между подходами к изображению образа учителя в текстах художественной литературы XX-XXI вв. Историко-типологический метод определил принципы изучения и анализа тенденций формирования образа учителя на разных этапах исторического развития литературного процесса. В совокупности эти методы позволяют объективно и полно выявить и сформулировать главные особенности анализируемого литературного явления, проследить трансформацию исследуемого нами образа в литературе в связи с особенностями различных исторических эпох.

Приступая к анализу образа учителя в литературном процессе XX-XXI вв., мы должны определить значение тех понятий, которыми будем апеллировать в ходе исследования.

Понятие «образ» является одним из самых многогранных и сложных литературоведческих категорий. В «Литературном энциклопедическом

словаре» под общей редакцией В. М. Кожевникова, П.А. Николаева дается следующее определение данного термина: «Образ художественный, категория эстетики, характеризующая особый присущий только искусству способ освоения и преобразования действительности»³. Важным для нас является замечание Л. В. Чернец, которая говорит о том, что «образ может иметь репрезентативный характер»⁴. Понятие образа не только дополняет основное значение – значение героя, конкретизирует его, говорит о том, что герой – это вымышленный персонаж, обладающий конкретными и обобщенными, символическими свойствами и имеющий эстетическое значение, но и позволяет нам говорить о том, что в образе учителя отражаются значимые характеристики педагогов того или иного исторического периода.

Л.Я. Гинзбург в книге «О литературном герое» отмечает, что «у каждого литературного героя есть прототип в широком смысле этого слова»⁵, «литературный герой моделирует человека»⁶, он «соотнесен с социальной действительностью, с существующими в ней представлениями о человеке»⁷. По ее мнению, «первая же встреча с литературным героем должна быть отмечена узнаванием, некоей мгновенно возникающей концепцией»⁸. Именно поэтому очень важна «экспозиция героя»⁹.

В ходе повествования литературный персонаж предстает перед нами как «серия последовательных проявлений одного лица в пределах данного

3 Литературный энциклопедический словарь (Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П.А. Николаева. Редкол.: Л.Г. Андреев, Н.И. Балашов, А.Г. Бочаров и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с. С. 252

4 Введение в литературоведение: Учеб. пособие/ Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, Э.Я. Эсалнек и др.; Под ред. Л.В. Чернец. – М.: Высш. шк., 2004. – 680 с. С. 26

5 Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1979, 224 с. С.220

6 Там же. С. 5

7 Там же. С.37

8 Там же. С.16

9 Там же. С.17

текста. На протяжении одного текста герой может обнаруживаться в самых разных формах: упоминание о нем в речах других действующих лиц, повествование автора или рассказчика о связанных с персонажем событиях, анализ его характера, изображение его переживаний, мыслей, речей, наружности, сцены, в которых он принимает участие словами, жестами, действиями и проч»¹⁰. Также Гинзбург отмечает, что «среди всех средств литературного изображения человека <...> особое место принадлежит внешней и внутренней речи действующих лиц. <...> Только строя речь человека, писатель пользуется той же системой знаков, и средства изображения тождественны тогда предмету изображения. Прямая речь персонажей обладает поэтому возможностями непосредственного и как бы особенно достоверного свидетельства их психологических состояний»¹¹.

В работе мы опирались на позицию Л.Я. Гинзбург, поэтому поиск наиболее устойчивых и повторяющихся свойств литературного типа герой-учитель мы вели, не упуская из виду такую особенность, как «узнавание», то есть «некая мгновенно возникающая концепция» как отражение в воспринимающем сознании реализуемого автором смысла, связанного с определенным способом бытия в мире¹².

В современном литературоведении и научной литературе изучение образа учителя представлено лишь отдельными исследованиями. Это статьи, Г. Ребель «Художественно-идеологические тенденции в творчестве Алексея Иванова»¹³, Т. Долгих «Основные мотивы романа А. Иванова “Географ глобус

¹⁰ Там же. С.89

¹¹ Там же. С.150

¹² Там же. С.16

¹³ Ребель Г.М. Художественно-идеологические тенденции в творчестве Алексея Иванова // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 4. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 489–496.

пропил»¹⁴, О. Метелкиной «О двух повестях Екатерины Мурашовой»¹⁵, и некоторые другие. Интересной является статья М. Черняк «Школа как диагноз современной прозы»¹⁶, в которой автор кратко характеризует произведения о школе, написанные в основном в «нулевые» годы.

В диссертации Мокрушиной О. А. «Топос постсоветской школы в русской литературе XX – XXI веков»¹⁷ представлено системное изучение литературы о школе интересующего нас временного периода, но предметом специального изучения, как видно из названия, является топоним школы. К материалам данной работы мы обращаемся в ходе нашего исследования.

Наиболее детально образ учителя исследован в литературе XIX века. Эта тема подробно разработана в диссертации кандидата филологических наук М.В. Власовой «Образ и коммуникативная позиция учителя в русской литературе: Д.И. Фонвизин, И.С. Тургенев, А.П. Чехов». Исследователь говорит о том, что «сущностной характеристикой профессии учителя является общение, речевая и профессиональная коммуникация»¹⁸. Поэтому Власова в своей работе использует коммуникативный подход к анализу художественного текста. В диссертации автор говорит не только о профессиональных учителях, учителях «по статусу», но и об учителе – духовном наставнике. Мы обратим внимание только на образы профессионального учителя.

14 Долгих Т. Основные мотивы романа Алексея Иванова «Географ глобус пропил» // Филолог. 2004. № 4. С. 19–24.

15 Метелкина О. О двух повестях Екатерины Мурашовой // Литературная учёба. 2011. № 4. С. 139–155.

16 Черняк М.А. Школа как диагноз: опыт современной прозы // Детская литература сегодня: сб. науч. ст. Екатеринбург: УрГПУ, 2010. С. 7–18.

17 Мокрушина О. А. Топос постсоветской школы в русской литературе XX – XXI веков: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01 (Пермь, 2014) 217 с.

18 Власова М. В. Образ и коммуникативная позиция учителя в русской литературе: Д.И. Фонвизин, И.С. Тургенев, А.П. Чехов диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01 (Томск 2005)

По мнению исследователя, уже в творчестве Д. И. Фонвизина, взгляды которого созвучны идеалам Просвещения, «задана типология «высокий»/«низкий» учитель», которая оказалась плодотворной для русской литературы XIX века. В переводных баснях Фонвизина есть персонажи, которые «претендуют на роль учителей, но не соответствуют ей» («Обезьяна нравоучителем», «Хамелеон и кошка», «Лисицыно нравоучение» и др.). В комедии «Недоросль» автором «характеризуется «профессиональная» деятельность учителей». При этом все учителя (Цыфиркин, Кутейкин, Вральман), относятся к «низкому» типу учителя. Власова утверждает, что в образе Вральмана реализован тип «учителя-самозванца», а «речевое поведение Цыфиркина/Кутейкина выдает их истинный статус (военного/семинариста), строится на системе повтора, тем самым, утрачивая содержательность».

И. А. Тургенев в образе учителя «воплощает не только исторически и национально обусловленный тип коммуникативного поведения, но и свою концепцию человека и бытия, которая заключается в понимании ограниченности каких-либо «идей» и идеалов, загадочности, многообразия жизни». Поэтому «идеальная» педагогическая коммуникация у Тургенева, по мнению Власовой, «фиксируется как мгновение, т.е. реализуется в аспекте его «философии мгновения»». В творчестве данного автора исследователь отмечает переход «от фонвизинской бинарной концепции учителя к многообразию художественного воплощения» данного образа. В романе «Дворянское гнездо» Власова анализирует образ учителя музыки - Лемма: «молчаливый, замкнутый, угрюмый Лемм «преображается» в разговорах со своей ученицей Лизой, их отношения строятся на доверии, взаимовлиянии». Для раскрытия данного образа важной становится невербальная коммуникация: Лемм «создает «выразительную» мелодию», которая «рождается в результате стремления героя-учителя выразить себя и одновременно понять «другого»». В романе «Новь» автор исследования

отмечает «усиление саморефлексивности в осмыслении учителем своей профессиональной деятельности». Нежданов, по ее мнению, «проявляет себя как превосходный учитель-профессионал». Также в романе появляется учительница Марианна, которая «выбирает путь постепенного преобразования жизни, создания народных школ»¹⁹.

В творчестве Чехова, по мнению автора исследования, «образ профессионального учителя получает максимально разнообразное воплощение: это гувернер, гувернантка, репетитор, учитель (домашний, сельский, школьный, учитель гимназии), учительница, лектор». Власова отмечает появление «авторитарного, монструозного типа учителя» (например, Беликов из рассказа «Человек в футляре»). Для чеховской учительницы наиболее важными являются темы «одинокости, дома семьи», а профессиональная деятельность превращает ее в «ломовую лошадь».

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые осуществлен системный подход к изучению образа учителя в современной русской литературе.

Теоретическая значимость работы заключается в описании основных тенденций формирования образа учителя в литературе XX – начала XXI вв., а также в раскрытии связи образа учителя с особенностями изображения персонажей в современной литературе.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в построении факультативных курсов по теме «Герои современной прозы».

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения и списка использованной литературы.

¹⁹ Там же.

ГЛАВА I

Образ учителя в литературе Советского периода

1.1. Канонический образ учителя и его реализация в литературе 20-50-х гг.

Начало изучения образа учителя с данного периода обусловлено тем, что именно в это время происходит становление школы как социального института в современном понимании. Советская школа строилась на совершенно иных принципах, нежели дореволюционные образовательные учреждения. В соответствии с этим меняется и статус педагога. В. И. Ленин в 1923 г. писал: «Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Это — истина, не требующая доказательств»²⁰. По мнению кандидата исторических наук Н.А. Беловой, «педагоги в советское время считались не просто носителями знаний, которые следовало передать подрастающему поколению, но проводниками государственной идеологии, на которых возлагалась ответственность за подготовку подрастающего поколения»²¹. Именно поэтому учителя становятся популярными героями художественных произведений того времени.

Также в 1920-1930 годы происходит общая смена идеологических и эстетических ориентиров. Следовательно, и историко-литературный процесс стал развиваться в новом направлении. Несмотря на то, что официальное определение социалистического реализма как художественного метода было дано лишь в 1934 году на Первом съезде советских писателей, уже в 20-е годы литература была проникнута пафосом переустройства мира и созидания нового человека.

20 Ленин В. И. Последние письма и статьи. — М.: Политиздат, 1977. — 71 с. С.24

21 Белова Н. А. Повседневная жизнь советских учителей (на материалах Костромской области): диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.07 (Москва, 2011) 232 с. <Электронный ресурс> URL: <http://cheloveknauka.com/povsednevnyaya-zhizn-sovetskih-uchiteley> (дата обращения: 15.10.2014)

Соцреализм, как и всякое другое литературное направление, имеет свой метажанр, т.е. «тот общий принцип конструирования образа мира, который наиболее соответствует познавательным-ценностным принципам данного творческого метода»²². По мнению Н. Л. Лейдермана, ядром жанровой системы соцреализма стал роман. На данный жанр возлагалась очень важная задача - запечатлеть действительность «в процессе ее революционного преобразования». Литературовед обращает внимание на то, что роман соцреализма имеет принципиально иную жанровую природу, нежели реалистический роман. По его мнению, «в романе соцреализма осуществляется своего рода компромисс свободного романного типа мышления <...> с нормативной эстетикой, обращенной к архаическим слоям народного сознания, апеллировавшей к дидактическим жанрам, генетически связанным с фольклором или религиозными ритуалами»²³.

Герой в таком произведении всегда идеальный: он наделен не только всеми человеческими добродетелями (силой воли, целеустремленностью, решительностью, отвагой и т.д.), но и «сверхъестественными, титаническими способностями»²⁴. По сюжету ему предстоит преодолеть ряд препятствий на пути к достижению цели, т.е. актуализируется «хронотоп испытания». Также Н. Л. Лейдерман отмечает, что в советском романе, по мнению К. Кларк, эти препятствия были обычно двух типов: «прозаические» (проблемы со снабжением, рабочей силой или оборудованием; бюрократическая коррупция или бездействие; апатия или недовольство рабочих) и «драматически-героические (мифические)» (стихийные бедствия, классовые враги, террористы, бюрократы)²⁵.

22 Лейдерман Н.Л. Теория жанра: Научное издание / Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. - Екатеринбург, 2010. - 904 с. С. 685

23 Там же. С. 687

24 Там же. С. 690

25 Там же. С. 691

Ключевым текстом социальной утопии соцреализма, в котором главным героем становится учитель, является «Педагогическая поэма» А. С. Макаренко (1933-1934). Данное произведение сегодня чаще рассматривается как педагогический трактат, нежели как художественное произведение. Мы же не будем делать акцент на взгляды Макаренко как педагога, а посмотрим на роман с точки зрения реализации в нем эстетики соцреализма .

В заглавие вынесено определение жанра данного произведения – «поэма», но многие исследователи, в частности кандидат филологических наук Ю. С. Подлубнова, отмечают, что данное произведение «по своему объему приближается к романной форме»²⁶. В связи с тем, что нет точного определения жанра данного произведения, Подлубнова Ю.С. предлагает отнести его к жанру «коммунистической агиографии»²⁷. Б. Костелянец пишет, что «в поэтике книги Макаренко есть нечто и от памфлета, и от романа, и от автобиографической повести»²⁸. Некоторые литературоведы считают, что «Педагогическая поэма» является советской разновидностью романа воспитания. М. М. Бахтин в работе «Роман воспитания и его значение в истории реализма»²⁹ выделяет несколько типов романов «становления человека», среди которых нас интересует пятый, реалистический тип. Он подразумевает под собой то, что герой находится не внутри какой-либо одной эпохи, «а на рубеже двух эпох, в точке перехода от одной к другой» и «отражает в себе историческое становление самого мира». Именно такой герой представлен в «Педагогической поэме». Только что в стране установился новый режим, и герою необходимо бороться со старыми проблемами – с «беспризорщиной», новыми способами, которые

26 Подлубнова Ю. С. Автожитийные тенденции в «Педагогической поэме» А. Макаренко <Электронный ресурс> URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=4398 (дата обращения: 13.03. 2016)

27 Там же.

28 Костелянец Б. «Педагогическая поэма» А. С. Макаренко. М.- Л., 1963 С. 22-23

29 Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 423 с.С. 201

вырабатываются педагогом только методом проб и ошибок. Такой герой «принужден становиться новым, небывалым еще типом человека»³⁰. На это обращает внимание и Мокрушина О. А. в диссертации «Топос постсоветской школы в русской литературе XX – XXI веков», посвященной исследованию институции школы в постсоветской литературе³¹.

Изначально данная книга заявлялась как «Мемуары работника Наробраза», но в ходе работы ее концепция изменилась. «Педагогическая поэма» не является документальным произведением в чистом виде, хотя и основана на личном опыте автора. По мнению М.Ф. Гетманца, Макаренко-герой «является «ретранслятором» художественного замысла писателя, но позиция повествователя-«ретранслятора» и позиция автора характеризуются тенденцией к максимальному сближению»³². В тексте произведения не просто найти отступления от биографических фактов, те элементы творческой фантазии, которые являются специфической особенностью художественной типизации, но тем не менее они имеют место быть.

А. С. Макаренко выступает в произведении в двух лицах: «один из них – заведующий колонией им. Горького, ищущий, ошибающийся, создающий свою систему воспитания нового человека; другой – умудренный большим практическим опытом педагог-теоретик, оценивающий свою работу с высоты больших творческих завоеваний»³³. Макаренко-автор стоит над создаваемым им миром, он видит его целостно и завершено.

В своем автобиографическом герое А. С. Макаренко изобразил истинного «подвижника соцвеса», человека, преданного делу социалистического строительства.

30 Там же. С. 202

31 Мокрушина О. А. Топос постсоветской школы в русской литературе XX – XXI веков: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01 (Пермь, 2014) 217 с.

32 Гетманец М.Ф. А.С. Макаренко и концепция нового человека в советской литературе 20-30 годов. Харьков, Издательское объединение «Вища школа», 1978. 248 с. С. 153

33 Там же. С. 153

Уже в первой главе перед героем ставится цель – «сделать»³⁴ нового человека. Таким образом, перед читателем возникает концепция героя – это *учитель-демиург*, который призван создать нового человека.

Но материал для достижения данной цели оказался не благодатным. Многие воспитанники были «запущены, дики и совершенно не приспособлены для выполнения соцвосовской мечты». Как ни странно, первого успеха в работе с воспитанниками Макаренко добился не педагогическим приемом: он «не удержался на педагогическом канате»³⁵ и ударил воспитанника. С того самого момента дети прониклись к наставнику уважением.

Для того чтобы все-таки реализовать поставленную цель, герою приходится много работать не только над коллективом, но и над самим собой. Он подавлял собственную «интеллигентскую тряпичность», привык к «к молчаливому, терпеливому напряжению», старался быть «энергичным и уверенным»³⁶.

По мнению автора, только личным примером, собственным авторитетом можно увлечь за собой: «Вы можете быть с ними сухи до последней степени, требовательны до придирчивости, вы можете не замечать их, если они торчат у вас под рукой, можете даже безразлично относиться к их симпатии, но если вы блещете работой, знанием, удачей, то спокойно не оглядывайтесь: они на вашей стороне, и они не выдадут. <...>

И наоборот, как бы вы ни были ласковы, занимательны в разговоре, добры и приветливы, как бы вы не были симпатичны в быту и в отдыхе, если ваше дело сопровождается неудачами и провалами, если на каждом шагу видно, что вы своего дела не знаете, если все у вас оканчивается браком или

34 Макаренко А. С. Педагогическая поэма. – Пермь: Кн. Изд-во, 1986. – 575 с. С. 4

35 Там же. С. 12

36 Там же. С. 159

«пшиком», — никогда вы ничего не заслужите, кроме презрения, иногда снисходительного и иронического, иногда гневного и уничтожающе враждебного, иногда назойливо шельмующего»³⁷.

Но личный пример не единственный педагогический прием, которым пользовался герой Макаренко. На общих собраниях он произносил «ультрапедагогические»³⁸ речи, а в дальнейшем для прекращения беспорядков в колонии достаточно было лишь молчаливого взгляда Наставника.

Как уже говорилось ранее, герой соцреализма наделен не только всеми человеческими достоинствами, но и «сверхъестественными». К таким способностям героя – наставника в тексте Макаренко можно отнести способность творить чудеса, например, «изгнание бесов из душевнобольных людей»³⁹. Приведем в качестве примера фрагмент эпизода, в котором герой Макаренко исцеляет бродягу Полещука:

«— Чего ты кричишь? — спросил я его.

— Да вот, видишь, признали меня сумасшедшим...

— Слышал. Довольно кричать, едем со мной.

— На чем едем?

— На своих двоих. Запрягай!

— Ги-ги-ги!⁴⁰»

Мотив испытания актуализируется практически в каждой главе. Она строится обычно по заданному плану: дела шли хорошо – появились

37 Там же. С. 167

38 Там же. С. 127

39 Подлубнова Ю. С. Автожитийные тенденции в «Педагогической поэме» А. Макаренко <Электронный ресурс> URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=4398 (дата обращения: 13.03. 2016)

40 Макаренко А. С. Педагогическая поэма. – Пермь: Кн. Изд-во, 1986. – 575 с. С. 50

проблемы – было трудно, но мы справились – гармония вновь налажена. В романе встречаются препятствия обоих типов (по Лейдерману): и «прозаические», и «драматически-героические». Среди прозаических можно назвать проблемы со снабжением и рабочей силой.

Привлечь других педагогов к такой работе было крайне сложно, никто не верил в успех сложного дела: «В поисках педагогических работников я дошел было до полного отчаяния: никто не хотел посвятить себя воспитанию нового человека в нашем лесу».⁴¹ Но нашлись и такие педагоги: Лидия Петровна – «молодая девочка»⁴², Екатерина Григорьевна – «матерый педагогический волк»⁴³. В дальнейшем к ним присоединилась чета Осиповых и некоторые другие педагоги.

Проблемы со снабжением возникали постоянно. Требовалось множество усилий, для того, чтобы при помощи «напряженной дипломатии»⁴⁴ выпросить в наробразе хоть что-нибудь. Воспитанники ходили в «изодранных пиджаках, к которым гораздо больше подходило блатное наименование «клифт»⁴⁵, «на ногах у очень немногих колонистов были ботинки, большинство же обвертывало ноги портянками и завязывало веревками»⁴⁶, «пища <...> называлась кондером»⁴⁷.

Также герои боролись и с классовыми врагами. Герой-наставник Макаренко, уважительно относившийся ко всем людям, вскоре «сам заразился от колонистов неприязнью к этому притаившемуся за воротами и

41 Там же. С. 15

42 Там же.

43 Там же.

44 Там же. С. 8

45 Там же. С. 9

46 Там же.

47 Там же. С. 10

заборами кулацкому миру»⁴⁸. Борьба за равенство была, по мнению автора, главной педагогической работой. Наравне с этим в обязанности педагога входила и борьба с другими общественными проблемами, например, с самогоноварением. Лидия Петровна сомневалась в том, что «самогонку трусить»⁴⁹ - это педагогическая работа. Но Антон Семенович ее убедил в том, что это она и есть. Эту борьбу можно отнести к «драматически-героическому» типу.

Благодаря неустанному труду педагогов колонии во главе с Антоном Семеновичем детская колония становится для воспитанников «домом» в глубоком понимании этого слова, в котором учитель принимает на себя «родительские функции»⁵⁰. В ходе повествования актуализируется не только топос дома, но и рая: приехавшая в колонию инспектор Укрпомдета Мария Кондратьевна «была в восторге».

— У вас рай, — говорила она. — У вас есть прекрасные, как бы это сказать...

— Ангелы?

— Нет, не ангелы, а так — люди»⁵¹.

Таким образом, можно говорить о том, что в герое Макаренко реализовался тип героя-подвижника. Он является Учителем и Наставником с большой буквы, это *герой-демиург*, созидающий нового человека: «мы должны его воспитать по-новому, то есть должны воспитать так, чтобы он

48 Там же. С. 123

49 Там же. С. 57

50 Мокрушина О. А. Топос постсоветской школы в русской литературе XX – XXI веков: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01 (Пермь, 2014) 217 с.

51 Макаренко А. С. Педагогическая поэма. – Пермь: Кн. Изд-во, 1986. – 575 с. С. 217

сделался не просто безопасным или безвредным членом общества, но чтобы он стал активным деятелем новой эпохи»⁵².

Однако в финале героя постигает крах: его смещают с занимаемой должности. Но его дело не пропало даром: «Уже легче. Уже во многих местах Советского Союза завязались крепкие узлы серьезного педагогического дела, уже последние удары наносит партия по последним гнездам неудачного, деморализованного детства»⁵³.

Жанр рассказа также является показательным в любую эпоху. Его лаконичность и сосредоточенность на одной конкретной проблеме дает большой материал для анализа. Каждая деталь в таком произведении имеет большое значение.

Рассказ А. Платонова «Песчаная учительница» был написан в 1927 году. Главной героиней становится учительница Мария Нарышкина – «молодой здоровый человек, похожий на юношу, с сильными мускулами и твердыми ногами»⁵⁴. Подчеркнутое сравнение с мужчиной дает право молодой девушке стать героем-подвижником, тем более, что революционных бед она не испытала, а ее «сознание расцвело в эпоху, когда социализм уже затвердел»⁵⁵.

По окончании педагогических курсов девушка получает наставление от завгубоно: он «разъяснил нетерпеливым существам великое значение их будущей терпеливой деятельности»⁵⁶, и уезжает по назначению работать в дальний район – село Хошутово. Изначально данное место характеризуется как «мертвое»: пески вокруг «безлюдные», небо «жуткое», на котором

52 Там же. С. 111

53 Там же. С. 573

54 Платонов А. Избранное. М., «Современник», 1977. 445 с. С. 291

55 Там же.

56 Там же.

«саваном белела корка солнца»⁵⁷. Местные жители «пали духом», вокруг них стонали «страшные снежные бураны, перемешанные с колким, жалящим песком»⁵⁸. Единственное, на что они могли надеяться – это на «чудесную помощь»⁵⁹. И она пришла в лице Марии Никифоровны.

Молодая учительница догадалась, что главным предметом в школе должно стать «обучение искусству превращать пустыню в живую землю»⁶⁰. Больших трудов стоило девушке добиться положительных результатов. Ее друзьями стали Никита Гавкин и Ермолай Кобозев – «настоящие *пророки* новой веры в пустыне»⁶¹. Исходя из этого, можно с уверенностью сказать, что Мария Никифоровна также является *учителем-демиургом*, который создает новый мир. В финале молодая учительница становится «укротительницей кочевников»⁶², которая, по мнению завокроно, могла бы «заведовать целым народом, а не школой»⁶³. За благополучие народа и процветание государства молодой учительнице приходится заплатить не малую сумму – личную жизнь:

«Неужели молодость придется похоронить в песчаной пустыне среди диких кочевников и умереть в шелюговом кустарнике, считая это полумертвое деревцо в пустыне лучшим для себя памятником и высшей славой жизни?..

А где же ее муж и спутник?...»⁶⁴.

57 Там же. С.292

58 Там же.

59 Там же.

60 Там же. С.293

61 Там же. С.295

62 Там же. С.297

63 Там же. С.298

64 Там же.

Но счастье народов становится для нее смыслом жизни, и она решает посвятить всю себя этому нелегкому делу: «Я согласна... Постараюсь приехать к вам через пятьдесят лет старушкой... Приеду не по песку, а по лесной дороге. Будьте здоровы – дожидайтесь!»⁶⁵. Такой оптимистический финал в полной мере соответствует морфологии соцреалистического направления.

Весьма продуктивным и востребованным жанром литературы о школе стал жанр школьной повести. Возник он еще в XIX веке, когда появились повести Тома Хьюза «Школьные дни Тома Брауна» и «Том Браун в Оксфорде». В русской литературе XIX века черты данного жанра можно проследить в произведениях Н. Г. Гарина-Михайловского, Л. А. Чарской и др., однако окончательно данный жанр оформился только в 30-е гг. XX века.

М. А. Литовская отмечает, что школьная повесть относится к жанровой литературе, то есть «к текстам с жесткой сюжетно-композиционной структурой и спецификой пафоса»⁶⁶. Жанровые конвенции обусловлены особенностями материала и читательской аудитории (школьная повесть является заведомо двухадресной – для взрослых и для детей/подростков) .

Главными действующими лицами обычно являются учителя/ученики одного класса, взаимоотношения которых изображаются в динамическом развитии. Некоей силой, непосредственно влияющей на поведенческие установки каждого из персонажей, являются конкретные школа или класс, которые представлены как часть института образования.

Время действия обусловлено спецификой организации образовательного процесса – это тот период, за который «могут произойти

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Литовская М. А. Школьная повесть как инструмент анализа повседневности советской школы // Антропология советской школы: Культурные универсалии и провинциальные практики. Пермь, 2010. 300 с. С. 279

некие качественные изменения во взглядах и поведении героев»⁶⁷ (семестр, четверть, учебный год и т.д.).

Конфликт в такого рода произведениях основан на столкновении различных позиций учеников/учителей, ученика/классного коллектива, требований школы/требований социума. Данное столкновение составляет основное содержание повести, а разрешение конфликта predetermined авторским представлением об идеале межличностных отношений в рамках системы образования. Тем не менее, школьная повесть лишена двусмысленности в оценке качества системы образования: социализация персонажей как итог образовательных усилий однозначно оценивается либо как успешная, либо как неуспешная. Поскольку данная оценка регулировалась на государственном уровне, в литературе преобладали жизнеподобные формы повествования с заведомо заданным оптимистичным финалом и сглаживанием проблем⁶⁸.

Наиболее показательной является повесть Ф. Вигдоровой «Мой класс» (1950). Главными героями данного произведения становятся ученики 4 класса и их классная руководительница, учитель русского языка и литературы, Марина Николаевна. Центральным в повести является социально-психологический конфликт. На наших глазах происходит становление молодой учительницы, которая в процессе решения педагогических задач приобретает педагогическое мастерство. Ее ученики, в свою очередь, приобретают качества «правильных» советских подростков⁶⁹.

Повесть заканчивается традиционным счастливым финалом: «Любить. Знать. И постоянно искать в каждом хорошее. Учить ребят и самой учиться у них. И если любишь их, а они любят тебя и верят тебе – всё будет хорошо. Ты

⁶⁷ Там же. С. 280

⁶⁸ Там же. С. 280-281

⁶⁹ Там же. С. 282

преодолеешь самое трудное, найдешь путь к самому упорному сердцу и будешь счастлив, очень счастлив.

Счастье – в том, чтобы быть нужным людям. Кто же тогда счастливее учителя!»⁷⁰

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в русской литературе 20-50 гг. XX века учитель являет собой тип героя-демиурга, Отца, который принимает на себя родительские функции и творит новую реальность. Данный тип предлагаем принять за канон. В ходе дальнейшего исследования мы будем фиксировать, как трансформируется данный образ.

70Вигдорова Ф.А. Мой класс. // Электронная библиотека RoyalLib.com <Электронный ресурс> URL: http://royallib.com/book/vigdorova_frida/moy_klass.html (дата обращения: 8.05.2016)

1.2. Трансформация образа учителя в литературе 60-80-х гг.

Середина 1950-х годов ознаменована началом в стране нового периода - «оттепели». В это время начался активный «процесс духовного пробуждения общества и выздоровления литературы»⁷¹. Писателями, критиками и литературоведами начал подниматься вопрос о правдивости изображения в литературных произведениях современной действительности, разгорелись дискуссии вокруг «теории бесконфликтности» и «идеального героя», зазвучали критические высказывания по поводу нормативности в советской литературе, заговорили о «лакировке», «приукрашивании» действительности.

Вследствие этого были пересмотрены основные положения соцреализма. Сдвиги, расшатывающие жесткую нормативную модель мира, шли робко, с оглядкой. Мучительно выламываясь из соцреализма, по словам Н. Л. Лейдермана, «художники постепенно преодолевали власть эстетических догматов, раздвигали горизонты художественного видения, энергичнее вели творческие эксперименты»⁷². Первые шаги повлекли за собой изменения в проблематике произведений и в типе конфликта: если раньше он был связан с преодолением сопротивления внешних сил, то теперь он сдвигается внутрь коллектива. Эстетическое поле конфликта также расширяется: за «производственным конфликтом» начинает ощущаться напряженная атмосфера «оттепели», а «производственные коллизии», занимавшие центральное место в произведении, смещаются на периферию и начинают выступать лишь в роли некоего «первотолчка» для конфликтов нравственных и психологических. Н. Л. Лейдерман отмечает, что «в первые годы «оттепели», как это бывает в начале любого нового художественного цикла, жанр романа был не в чести»⁷³.

71 Лейдерман Н.Л. Теория жанра: Научное издание / Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. - Екатеринбург, 2010. - 904 с. С. 699

72 Там же. С. 700

73 Там же.

Зато в 60-70 гг. второе рождение переживает жанр школьной повести. В это время писатели получают возможность высказывать свои сомнения в правомочности и эффективности отдельных методик обучения и коммуникации в школьных сообществах и т.п., не подвергая сомнению постулаты советской школы⁷⁴. В произведениях о школе появилась возможность говорить об актуальных проблемах. Устойчивым конструктивным элементом школьной повести становится диалог, в ходе которого сталкиваются мнения героев-оппонентов.

Именно в жанре школьной повести стала возможной постановка проблем, которые по идеологическим причинам были невозможны во «взрослой» литературе. В кандидатской диссертации О. Тарасова в качестве таких проблем выделены: «проблема становления незаурядной личности и роли школы в этом процессе» и «проблемы взаимоотношений среды и личности, социально-клановой дифференциации школьной среды»⁷⁵.

О. Тарасов относит произведение А. Алексина «Безумная Евдокия» (1976) к «группе «школьных» повестей, сюжетной основой которых являются художественные конфликты, объективная значимость которых не совпадает с их личностным восприятием и пониманием героем»⁷⁶. Несмотря на громоздкость формулировки, исследователь, по нашему мнению, верно определил тот ключевой конфликт, который становится основой повествования. Главным событием повести является поход, организованный Евдокией Савельевной. Во время похода пропадает ученица – Оля, отец которой является героем-повествователем. Олин отец, привыкший оценивать

74 Литовская М. А. Школьная повесть как инструмент анализа повседневности советской школы // Антропология советской школы: Культурные универсалии и провинциальные практики. Пермь, 2010. 300 с. С. 279

75 Тарасов О.В. «Школьные повести» в системе художественного творчества В.Ф. Тендрякова: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Москва, 1994. 130 с.

76 Там же.

учительницу со слов своей любимой до безумия дочери, меняет свою точку зрения после непосредственного общения с педагогом.

В заглавие данного произведения вынесено имя и характеристика учительницы – «Безумная Евдокия». Уже данная характеристика является заметным отступлением от канона – в литературе предшествующего периода учитель всегда находился на недостижимой высоте и его авторитет был незыблем. Здесь же первоначально учительница предстает перед нами в весьма нелепом облике: «Евдокия Савельевна была в брюках, старомодной шляпе с обвислыми полями и с рюкзаком за спиной»⁷⁷. «Шляпа с обвислыми полями» является основной характеристикой героини – она выступает в качестве некоей «защиты» учительницы от враждебно настроенного мира: «широкие, обвислые поля шляпы как бы ограждали ее от того, с чем она в данный момент была не согласна»⁷⁸. Но в кульминационный момент, после которого наше отношение к «безумной Евдокии» в корне меняется, Евдокия Савельевна снимает шляпу – «Видимо, она приготовилась к бою. И желала видеть глаза противника»⁷⁹. Далее между отцом Оли и учительницей происходит диалог, в ходе которого выясняются некоторые подробности, восстанавливающие авторитет педагога в глазах отца. Желание педагога «чтобы все были вместе. И с ней во главе!...»⁸⁰, а также любовь к различного рода состязаниям и встречам с бывшими выпускниками, были обусловлены социалистической идеологией и приветствовались руководством.

Таким образом, несмотря на то, что изначально образ учителя в данной повести оценивается негативно, в финале он переосмысливается и реабилитируется в глазах читателей. Главное, чему научила Евдокия Савельевна своих учеников – это человечность: «Мои ученики не стали

77 Алексин А. А тем временем где-то ... Повести. М. Мол. гвардия, 1980. – 575 с. С. 206

78 Там же. С. 228

79 Там же. С. 229

80 Там же. С. 209

знаменитостями, <...> но и злодеев среди них нет. Ни одного... Они не предавали меня и моих надежд. А насчет дарований? У них есть талант человечности»⁸¹.

А в повести В. Железникова «Чучело» (1975) молодая учительница оказывается не в силах воспитать в детях человечность. Маргарита Ивановна – классная руководительница - озабочена своими проблемами, своей личной жизнью и не замечает ничего вокруг. Важные события в жизни класса она легкомысленно игнорирует, классные проблемы кажутся незначительными на фоне её собственных. «В тот момент, когда мы смеялись над Рыжим, вбежала веселая Маргарита. В одной руке она держала классный журнал, а в другой сверток в цветном полиэтиленовом мешочке.

- А, новенькая! — Она увидела меня. — Куда же тебя посадить?

Она пошарила глазами по рядам парт... и забыла про меня, потому что девчонки обступили ее и спросили, правда ли, что она выходит замуж. Маргарита ответила, что правда, засияла от счастья, торопливо разорвала мешочек, вытащила коробку конфет, открыла и поставила на стол»⁸².

В данном произведении учитель уже не является безусловным авторитетом. Ученики становятся на одну ступень со своим наставником и могут безнаказанно хамски себя вести:

«А Маргарита как крикнула:

«На места!»

«А что вы так кричите? — с вызовом спросила у Маргариты Миронова. И потом осадил ее так, как только она одна умела: — Мы же люди, а не служебные собаки»⁸³.

81 Там же. С. 231

82 Железников В. К. Чучело. М.: Бамбук, 1998. – 254 с. С. 51

83 Там же. С. 97

Проблема стирания границ между учителем и учеником поднимается и в киноповести Георгия Полонского «Ключ без права передачи» (1975). В данном произведении, написанном по всем правилам соцреалистического канона, все же царит атмосфера «оттепели». Молодая учительница, Марина Максимовна, или, как ее называют ученики 10 «Б» класса – Мариночка, смогла соединить в своей профессии «призвание и кусок хлеба»⁸⁴. Она, владеющая новыми педагогическими методиками, легко может увлечь детей, «озадачить»⁸⁵ и «раздразнить»⁸⁶ их новыми интересными книгами, постановками спектаклей, нестандартными темами сочинений. Творческая неординарность данного педагога подчеркивается и внешностью: «Что-то задиристое посверкивало в ее глазах и пружинило в походке. У нее мальчишеская стрижка, худая шея, великоват рот, косметики - ноль. Глаза говорили как-то очень явно и серьезно о "присутствии духа" в небогатом ее теле»⁸⁷.

Конфликт повести основан на столкновении родителей и педагогического общества с Мариной Максимовной, учительницей, которой дети подарили «ключ без права передачи». У повести, по закону жанра, счастливый финал: строгий директор стирает злополучную магнитофонную запись и просит совета в воспитании дочери у молодой учительницы, открывшей сердца подростков.

Разрушение представления об учителе как о «сверхчеловеке» происходит и в рассказе В. Г. Распутина «Уроки французского» (1973). Можно вспомнить реакцию главного героя на приглашение Лидии Михайловны за стол: «Кажется, до того я не подозревал, что и Лидия Михайловна тоже, как все мы, питается самой обыкновенной едой, а не

84 Полонский Г. И. Ключ без права передачи: Киноповести. – М.: Дет. лит., 1980. – 208 с. С. 199

85 Там же. С. 141

86 Там же.

87 Там же.

какой-нибудь манной небесной, – настолько она представлялась мне человеком необыкновенным, не похожим на всех остальных»⁸⁸.

Лидия Михайловна – молоденькая учительница французского языка – чуткая, добрая, горячо преданная своему делу. Видя бедственное положение мальчика и вместе с тем – его способности, тягу к знаниям, она постоянно предпринимает попытки помочь ему: то пытается усадить своего ученика за стол и досыта накормить, то посылает ему посылки с едой. Но все ее хитрости и старания пропадают даром. Тогда она поступает «непедагогично»: предлагает ученику играть на деньги, чтобы у него появились средства на пропитание. О ее «преступлении» становится известно директору Василию Андреевичу, вследствие чего учительнице приходится уволиться и уехать на Кубань. И все же внимание, доброжелательное отношение, способность пожертвовать собственным положением ради помощи своему воспитаннику мальчик не сможет забыть никогда и через всю свою жизнь пронесет благодарность за самые лучшие уроки – уроки человечности и добра.

Таким образом, атмосфера «оттепели», царящая в стране, так или иначе проникает в литературу. Герои – школьные педагоги уже не являются демиургами, творящими новую действительность. Они становятся обычными людьми, которые имеют право сомневаться и ошибаться. Но родительская функция у них все же сохраняется: теперь учитель – это не Отец-наставник, а заботливая Мать, которая всеми силами стремится оградить детей от неприятностей.

⁸⁸ Распутин В. Г. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1. Рассказы; Повести/Вступ. статья Н. Котенко. – М.: Худож. лит., 1990. – 415 с. С. 58

ГЛАВА II

Трансформация образа учителя в современной русской литературе

2.1. Образ учителя в прозе перестроечного и постсоветского периодов (середина 80-х – 90-е гг.)

Середина 80-х годов XX века - переломный момент в истории России. В это время происходит крушение тоталитарного строя, страна переходит на демократический путь и, следовательно, в корне меняется уклад жизни общества. С самого начала данный период определялся как переходный. Исследованием и описанием сущности данного периода занимались многие ученые.

В диссертации А. Ю. Котылева «Метаморфозы игры в культуре переходного типа (На материале становления советской культуры). Россия 1917-1933»⁸⁹ даются общие характеристики переходных периодов как таковых. Наиболее существенны, по нашему мнению, следующие: совмещение альтернативных моделей мироустройства, размытость границ центра и ценностных ориентиров, амбивалентность значений⁹⁰.

Лаконичную формулировку и наиболее точную характеристику переходного периода конца XX – начала XXI века, на наш взгляд, дает Н. Б. Бурыкина в статье «Переходная эпоха и рефлексия исторического процесса: философско-культурологический аспект»: «Переходная эпоха – эпоха, возникающая в период гибели (быстрой, катастрофической – революции и медленной, длительной – эволюции) и разрушения устоявшейся эпохи, которая характеризуется:

- распадом универсальной картины мира, свойственной ей;
- усилением мифологизации сознания;

⁸⁹ Котылев А. Ю. Метаморфозы игры в культуре переходного типа (На материале становления советской культуры). Россия 1917 – 1933: дисс. ... канд. культурол. наук: 24.00.01. СПб., 2000. 220 с.

⁹⁰ Там же. С. 51-53

- появлением эсхатологических и хилиатических настроений и переживаний;
- маргинализацией общества;
- кризисом коллективной идентичности;
- встречей двух культур и возникновением их диалога;
- возникновением разнообразия художественных тенденций, философских концепций, расширением мира культуры, рождением нового стиля;
- выработкой отличного от предшествующей эпохи способа мировосприятия и собственной классики»⁹¹.

Очень важным итогом данного периода в нашей стране стал переход к рыночным отношениям. Как следствие, рушится традиционная система ценностей: на первый план выходят не общественные, а личные интересы. Рост по карьерной лестнице и хороший заработок становятся главной целью для любого человека, и учителя не становятся исключением. Следовательно, меняется и сам институт школы: знания больше не востребованы, для рыночной экономики востребованным умением становятся хитрость и деловая хватка. В.И.Лещинский в работе «Всегда ли прав учитель?»⁹² отмечает, что в это время «все стремятся только к одному – хорошо выглядеть в глазах начальства...»⁹³ и действует другая шкала ценностей, свойственная «...двойственной личности и двойной морали»⁹⁴. Появляется новый тип учителя - стремящегося сделать карьеру и занятого личными делами.

91 Бурыкина Н. Б. Переходная эпоха и рефлексия исторического процесса: философско-культурологический аспект// Вестник Волгоградского университета. Серия 7. Философия. 2009. №2. С. 38-46

92 Лещинский, В. И. Всегда ли прав учитель? / В. И. Лещинский ; сост. С. С. Кузнецов, С. В. Кульневич. - М. : Педагогика, 1990. - 160 с.

93 Там же. С. 137

94 Там же.

Следовательно, в культуре, а в частности, в литературе, также происходят значительные изменения. Уже первые шаги демократических реформ привели к резкой активизации литературной жизни в конце 1980 – начале 1990-х годов. Кроме того, что в это время в Россию хлынул огромный поток возвращенной литературы, создавалось множество новых произведений, на страницах которых, в основном, разворачивались политические дискуссии. О. Мокрушина совершенно верно говорит о том, что «в «перестроечные» годы, как и в первое постсоветское десятилетие, школьная тема была потеснена, если не сказать вытеснена, другими проблемами»⁹⁵. Тем не менее, единичные произведения о школе создаются, хотя и не являются востребованными у читателя того времени.

Наиболее показательными произведениями, целиком посвященными школе, являются повести Л. Симоновой «Круг» (1985) и «Лабиринт» (1989-1990). Совершенно точно можно сказать, что данные произведения продолжают традиции жанра школьной повести, в них поднимается и разрабатывается актуальная проблема взаимоотношений старшего (учителя) и младшего (ученики) поколений. Автор очень точно смог запечатлеть на страницах книг тот перелом, который произошел в обществе 80-х годов.

Более подробно мы остановимся на анализе повести «Круг», так как именно в ней наиболее ярко изображены образы учителей, представляющие интерес для нашего исследования.

Повесть «Круг» имеет трехчастную структуру: «Бунт», «Смятение», «Расплата». Действие разворачивается в течение одной учебной четверти в образцово-показательной столичной школе. Лицом школы является выпускной класс, ученики которого и поднимают «бунт». Ребята просят сменить им классного руководителя и вполне аргументировано выражают свою точку зрения. Ольга Яковлевна – их классный руководитель и молодой

⁹⁵ Мокрушина О. А. Топос постсоветской школы в русской литературе XX – XXI веков: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01 (Пермь, 2014) 217 с.

учитель физики, оказалась не состоятельной как педагог – она сама понимала «как плохо ведет она уроки физики»⁹⁶: «путается в определениях, то и дело сбивается, объясняя урок, не может получить нужного результата в опытах»⁹⁷. Но работа в гимназии была престижной и при условии качественной работы могла приносить хороший заработок. Именно поэтому учительница решила «заигрывать»⁹⁸ с учениками, «пытаясь стать для них своею, доверенным лицом»⁹⁹ и одновременно «задабривала»¹⁰⁰ завуча Викторию Петровну, рассказывая ей секреты своих учеников. «Двуличие»¹⁰¹ и «панибратство»¹⁰² учительницы вызвали бурю негодований со стороны учеников. «Аленке ... - Поправился: Ольге Яковлевне ... учить противопоказано»¹⁰³ - говорит о педагоге один из ее учеников. Он же обращается к ней на «ты» и при всем классе мстит за оскорбление: он «размахнулся и со всего маху... нет, не ударил, сделал вид, что бьет по щеке. Рука проскочила мимо, но все увидели страх в глазах учительницы.

— Не обижайся, Аленка, — в наполненной ужасом тишине сказал Прибаукин. — Ты преподавала мне урок, я его запомнил и ответил тебе»¹⁰⁴. Протест класса был удовлетворен, ученики получили нового классного руководителя – преподавателя истории Анатолия Алексеевича.

Таким образом, Ольга Яковлевна являет собой новый тип учителя: учителя эпохи переходного периода, эпохи перестройки, эпохи смены

96 Симонова Л. Круг. <Электронный ресурс> Электронная библиотека RoyalLib.com URL: http://royallib.com/book/simonova_liya/krug.html (дата обращения: 20.04.16)

97 Там же.

98 Там же.

99 Там же.

100 Там же.

101 Там же.

102 Там же.

103 Там же.

104 Там же.

ценностных ориентиров. Ее профессиональная несостоятельность и стремление «выслужиться» перед начальством показательны для настоящего периода литературы, который изображает героев в тупиковых ситуациях.

Данный конфликт является лишь частным проявлением отражения переломного состояния эпохи. В школе, как и во всем обществе, наступил Хаос: четкая и стройная система мироустройства рушится на глазах и не понятно, как жить дальше. Не зря на протяжении всего повествования «за окнами дули сильные и беспокойные ветры»¹⁰⁵ - такая погода символизирует общее настроение эпохи. Молодежь 80-х годов получила свободу слова и не боится выражать свое мнение, тогда как старшее поколение «привыкло бояться»¹⁰⁶. В повести не раз высказывается мнение о том, что «дети становятся жестокими и неуправляемыми, когда теряют веру во взрослых, уважение к их словам и поступкам»¹⁰⁷. Именно поколение «родителей», именно «взрослые, умудренные опытом, педагогическими знаниями, немало напутали, создав и все время усугубляя сложности в отношениях с ребятами»¹⁰⁸. Ученики, которые бунтовали, «позволяли себе неслыханные по отношению ко взрослым дерзости»¹⁰⁹, сами страдали. «Они не желали больше поклоняться авторитетам и оценивали все, что узнавали, видели и слышали, по своему разумению. И всех остальных людей принимали или не принимали по их способности мыслить и действовать. Этих ребят нельзя было уговорить, их можно было только убедить»¹¹⁰.

В созданном автором диалектическом портрете поколения представлена целая галерея различных типов учителей. Представителем старшего

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

поколения, носителем уходящих ценностей Советского государства является завуч школы Виктория Петровна. Она вкладывала «в чужих детей (своих у нее не было) <...> немалые силы и делала это беззаветно. Без колебаний готова была она приносить себя в *жертву* ради общей пользы»¹¹¹. Она искренне считала, что «для школы времена не меняются»¹¹². Именно поэтому с огромным рвением стремилась она восстановить в школе былую гармонию: «сохранение и упрочение порядка представлялось Виктории Петровне *святым* делом учителя»¹¹³. Удивительно, что даже учитель, который стремится навести порядок в школе при помощи наказания («Кричать на них мало! Их надо наказывать! Наказывать надо!»¹¹⁴) характеризуется святостью и жертвенностью. Но, времена меняются и прежние «боги» должны уйти со своего Олимпа. Осознать это – не легкое дело, поэтому Виктория Петровна до последнего «с великим рвением латала <...> безнадежно устаревшие одежды, испытывая *невероятную муку* оттого, что молодым учителям и подрастающим детям они не кажутся прекрасными, а напротив, старомодными и несуразными»¹¹⁵.

У завуча случается сердечный приступ – она не смогла вынести наступающего нового порядка, не смогла смириться и принять новые ценности. Навестить больную учительницу приходят ученики, и после перенесенного приступа Виктория Петровна предстает перед ними совершенно иной: «в домашнем пестреньком фланелевом платице она не казалась такой грозной, как в школе, была похожа на добродушную хлопотунью — бабушку»¹¹⁶. Именно после визита ребят, ночью Виктории Петровне приснился странный сон. Во сне «она плыла на прекрасном белом

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же.

корабле. <...> Возле нее ее ученики безмятежно смеялись, радуясь жизни.
<...>

Потом один из учеников с легкостью птицы взлетел с кормы ввысь и вдруг камнем упал в воду. Она бросилась к борту, звала на помощь, но увидела... там, за бортом, его приняла лодка. Легкая, изящная... Лодка ждала его, и он без сожаления покинул корабль.

А вокруг все молчат. Будто знают что-то, но это тайна. Именно для нее тайна...

Виктории Петровне захотелось этот сон тут же стряхнуть, прогнать. Проснуться и обрадоваться: чего не привидится?

Но сон не отпускал Викторину Петровну. Она должна была досмотреть его до конца.

К кораблю плыли лодки. Лодки, лодки, лодки... Все легкие, изящные. Они сковали корабль, как льдины. И вот ее ученики уже там, в лодках, а она одна на корабле. И прямо на нее надвигается крыса...

Корабль начинает расти. Он все увеличивается и увеличивается и становится громоздким и неуклюжим чудовищем. Он не способен плыть. Он трещит и вот-вот развалится. И она не в силах уберечь себя от свирепого скрежещущего треска, спастись от ползущей крысы...»¹¹⁷

Корабль, это «громоздкое и неуклюжее чудовище»¹¹⁸, в данном случае символизирует ту старую государственную систему, частью которой была и школа, которая являлась высшим идеалом для Виктории Петровны, а «легкие изящные лодки»¹¹⁹ - именно те новые формы существования современного человека в обществе, которые предлагает новое политическое устройство

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же.

государства. По большому счету - это метафора свободы, - собственно того, что нужно современным детям. Но учительнице не дано уже понять их «тайны». Она осталась одна на этом тонущем корабле и некому ей помочь в борьбе с ползущей на нее крысой. Крыса, в традиционной мифологии, является символом зла и помощником дьявола¹²⁰. «Крыса — это к беде! — будто наяву обожгла мысль. — Надо открыть глаза, пока корабль не затонул...»¹²¹ Если спасением от крушения во сне является пробуждение, то, перенося этот сон в реальность, спасением для учительницы наяву будет являться уход из школы. Именно такое решение и принимает завуч после тяжело перенесенной ночи.

Сон учительницы - это буквализация метафоры спасение с тонущего корабля. Как известно, крысы, чувствуя опасность, спасаются бегством с корабля, то есть бегущая крыса - это знак беды. Тонущий корабль – это та система ценностей, носителем которых является Виктория Павловна, это уходящая эпоха советского времени, порождением и воплощением которого является эта героиня.

Как видно из сна Виктории Павловны, подростки уже не хотят быть ведомыми, они сами хотят выбирать себе дорогу. В лице учителя им нужен старший товарищ, с которым можно будет поговорить «по душам, поспорить, доказать свою точку зрения»¹²². Учительницу русского языка и литературы Ирину Михайловну «ребята ценили за знания»¹²³. Она всегда «следила за новым в литературоведении, не пропускала интересных статей в литературных журналах и газетах и на уроках почти не прибегала к услугам

120 Энциклопедия символики и геральдики. <Электронный ресурс> URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Крыса> (дата обращения: 24.04.16)

121 Симонова Л. Круг. <Электронный ресурс> Электронная библиотека RoyalLib.com URL: http://royallib.com/book/simonova_liya/krug.html (дата обращения: 20.04.16)

122 Там же.

123 Там же.

учебника»¹²⁴. А молодую учительницу математики и классную руководительницу изображенного в произведении класса ребята не просто ценили – «боготворили»¹²⁵: она превосходно знала свой предмет и могла в интересной форме преподать его ученикам (устраивала на уроках «математический футбол, эстафету вариантов решения одной задачи»¹²⁶ и т.д.). Но перспективная учительница была уволена, т. к. не нашла общего языка с начальством, не могла идти на уступки: она «полемично ставила и обсуждала вопросы на педсоветах»¹²⁷. Значимым является и тот факт, что «именно после того, как ее отняли у класса, началась их агрессивность»¹²⁸. То есть детей лишили того, в кого они верили. Но без веры жить невозможно, именно поэтому они просят замены классного руководителя на Анатолия Алексеевича, такого же молодого учителя, который должен был «сотворить чудо»¹²⁹.

В школе он преподавал свой любимый предмет – историю, и «его уроки нравились ученикам»¹³⁰. «Он чувствовал, что ребята тянутся к нему, старался не избегать испытующих взглядов и острых вопросов, которые нередко его самого ставили в тупик»¹³¹. Заступив на пост классного руководителя, Анатолий Алексеевич «лишился свободного времени и покоя»¹³². «Он старался теперь подолгу оставаться с ребятами, иначе как бы он мог понять

124 Там же.

125 Там же.

126 Там же.

127 Там же.

128 Там же.

129 Там же.

130 Там же.

131 Там же.

132 Там же.

их? А ему прежде всего хотелось понять...»¹³³. «Истина»¹³⁴ открывалась ему постепенно: сначала он понял, что «их не как-нибудь надо выслушать, а так, как это делали старые доктора, прикладывая ухо к самой груди»¹³⁵. Затем он предложил ребятам написать о том, что же у них «наболело»¹³⁶. Образ данного учителя выстраивается как образ божества. Это отражается в стиле речи, обращенной к детям: «Скинем с себя груз обид и тревог наших и, может, почувствуем облегчение»¹³⁷. И ученики тянулись «к нему, словно он, сам *всемогущий бог*, умел отпускать совершенные грехи»¹³⁸. Именно он смог заглянуть в души и увидеть всю суть вверенных ему детей: «И вдруг он увидел их. Они сидели на здоровенном деревянном ящике, непонятно как попавшем за школьную ограду, и молча жались спинами друг к другу, напоминая *стайку потрепанных осенними невзгодами воробышек*. Лица у всех потерянные, каждый замкнулся в себе»¹³⁹. И в финале они такие же беззащитные «тесной стайкой» уходят туда, где «шумела, бурлила и оглушала жизнь»¹⁴⁰.

Именно Анатолию Алексеевичу открылась мудрость «великих», портреты которых висели в кабинете директора: ««Самые правильные, разумные, продуманные педагогические методы не принесут пользы, — крупными буквами было набрано под портретом Макаренко, — если общий тон вашей жизни плох. И наоборот, только правильный общий тон подскажет

133 Там же.

134 Там же.

135 Там же.

136 Там же.

137 Там же.

138 Там же.

139 Там же.

140 Там же.

вам и правильные методы обращения с ребенком и прежде всего правильные формы дисциплины, труда, свободы, игры и... авторитета»¹⁴¹.

Таким образом, можно говорить о том, что молодой учитель истории является продолжателем не только педагогических традиций Макаренко, но и как литературный герой он выступает в качестве Бога, Демиурга, творящего мир вокруг. Педагоги старой закалки уходят со своего профессионального поприща, так как наступило «новое время» и им уже нет места на этом «корабле». Также в данном произведении появляется новый образ учителя, типичный для переходного периода. Ольга Яковлевна, оказавшись профессионально несостоятельным педагогом, стремится выслужиться перед начальством, для того, чтобы сохранить работу в престижном учебном заведении.

Наиболее значимым произведением о школе 1990-х гг. стал, безусловно, роман А. Иванова «Географ глобус пропил». Написанный в 1995 году, он был впервые опубликован только в 2003-м издательством «Вагриус» (Москва) и много раз переиздавался. Данный роман получил обширную и серьезную критику. О популярности и востребованности «Географа» публикой также свидетельствует тот факт, что по нему был снят в 2013 году одноименный фильм, режиссером которого стал Александр Велединский, а также более 50-ти театров России выкупили права на постановку спектаклей¹⁴².

А. Иванов своим романом сказал новое слово о современной школе. По мнению Г. М. Ребель, в романе «намечены стратегии и новое, или по-новому интерпретированное, содержание школьного образования и воспитания»¹⁴³. В отличие от ранее исследованных нами школьных повестей, в которых

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Роман Алексея Иванова «Географ глобус пропил» «перекочевал» со съемочной площадки на театральные подмостки // Интернет-газета Знак. <Электронный ресурс> URL: https://www.znak.com/2013-02-18/roman_alekseya_ivanova_geograf_globus_propil_perekocheval_so_semochnoy_plochadki_na_teatralnye_podm_o (дата обращения: 21.04.16)

повествование о школе и о школьных проблемах занимает все пространство текста, роман «Географ глобус пропил» не только и не столько о школе. Тем не менее, нельзя не согласиться с исследователем О. Сысоевой, которая находит в данном произведении традиции «школьного» романа воспитания¹⁴⁴. По ее мнению, в романе синтезируется «ряд однотипных ситуаций, неоднократно встречающихся в «школьных» романах воспитания»¹⁴⁵. Но все эти ситуации травестируются, подаются через «приемы пародии и иронической стилизации»¹⁴⁶. Литературовед отмечает «пародийное снижение лозунга о «воспитании нового человека» и школы как главного средства подобного воспитания»¹⁴⁷.

Таким образом, Алексей Иванов попадает в центр проблемного поля поисков новой художественной литературы и нового героя. В журнальных публикациях последних лет довольно часто возникают различные дискуссии по поводу того, кто же является героем современной литературы. В одной такой дискуссии, проводимой журналом «Знамя», Лев Гудков очень точно подметил то, «что литературу делает осмысленной и значимой, связано прежде всего с ее способностью представлять новые человеческие (антропологические) типы и их составляющие (аффекты, ценности, идеи, желания, отношения, формы самопонимания, веры и проч.), требующие своих собственных экспрессивных средств»¹⁴⁸. Таким образом, литература, находящаяся в поиске героя современности вообще, деконструирует закрепленные в культуре типы героев, предлагая новых героев времени,

143 Ребель Г. Уроки Географа // Официальный сайт Алексея Иванова. URL: <http://ivanproduction.ru/literoturovedenie/uroki-geografa.html> (дата обращения 20.01.2014).

144 Сысоева О. А. Жанровая специфика романа Алексея Иванова «Географ глобус пропил» // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 184-186. <Электронный ресурс> URL: www.gramota.net/materials/2/2014/2-2/50.html (дата обращения: 13.04.2016)

145 Там же.

146 Там же.

147 Там же.

148 Современная литература: Ноев ковчег // Знамя. 1990. №1

носителей нового мировоззрения, воплощающие в себе переходный характер эпохи. Это, как правило, герой- маргинал, аутсайдер. В современной системе координат аутсайдером, как правило, становится интеллигент, художник, представитель творческих профессий, творец. В ряд таких героев – маргиналов и аутсайдеров в современной литературе встает герой-учитель.

На вопрос о том, кто же является героем современной детской прозы, по мнению доктора филологических наук Елены Местергази, критики и филологи в один голос «говорят об отсутствии в отечественной детской литературе героя как образца для подражания»¹⁴⁹. О. Лебёдушкина в статье под названием «Возвращение лузера» пишет об этом же, но более прямолинейно: «в современной словесности учитель – давно уже никакой не наставник, не гуру, не носитель истины, а маргинал, стоящий на самом краю общества, собственно, на дне»¹⁵⁰. Также, по мнению автора, «в начале 1990-х русская литература публично покаялась в грехе учительства и отказалась кого-либо чему-либо учить»¹⁵¹. Именно такого героя мы и встречаем на страницах романа А. Иванова.

Впервые, пока еще безымянный герой, предстает перед нами в главе «Глухонемой козлице»¹⁵². Здесь мы видим его с весьма нелицеприятной стороны: это «небритый, помятый молодой человек»¹⁵³, который делает вид, что он глухонемой. Но, уже в главе «Географ» мы видим его преображение: «бывший глухонемой, Виктор Служкин, теперь уже побритый и прилично одетый, шагнул <...> к ближайшей школе»¹⁵⁴. Уже произошла его инициация

149 Местергази Е. Несколько слов о герое «литературы для взрослых и детей» // Российский писатель <Электронный ресурс> URL: <http://www.rospisatel.ru/konferenzija/mestrgazi.htm> (дата обращения: 20.04. 2016)

150 Лебёдушкина О. Возвращение лузера. О любимчиках и пасынках «нового производственного романа» – 2 // Дружба народов. 2009. № 11. С. 188–197

151 Там же.

152 Иванов А. Географ глобус пропил / Алексей Иванов. – М.: АСТ; СПб.: Азбука-классика, 2007. – 507, [5] с. С. 7

153 Там же.

154 Там же. С. 11

- он получает не только имя, но и новый статус – статус учителя. Но, как сам иронически замечает Служкин, учитель из него – «как из колбасы телескоп»¹⁵⁵.

Определить тип героя и найти его место в традиции – задача не из легких. Многие исследователи и критики данного романа дают диаметрально противоположные определения главного героя. В процессе анализа критической литературы, нами было выявлено несколько вариантов определения типа героя: герой-моралист (Лев Данилкин¹⁵⁶), маргинал (Павел Копейщиков¹⁵⁷), святой (Галина Юзефович¹⁵⁸, Дмитрий Малков¹⁵⁹, Ирина Головинская¹⁶⁰), романтический герой (Александр Кадушин¹⁶¹, Галина Ребель¹⁶²), лишний человек (Боря Бугаев¹⁶³), антигерой (Марго Кломпмакер¹⁶⁴) и т.д. Сам Алексей Иванов в интервью газете «Комсомольская правда», говорит о том, что «ближайшая литературная аналогия герою <...> – не

155 Там же. С. 118

156 Данилкин Л. Географ глобус пропил //Официальный сайт Алексея Иванова <Электронный ресурс> URL: <http://www.ivanproduction.ru/recenzii/geograf-globus-propil/posle-oshhetinivshejsya.html> (дата обращения: 24.12. 2014)

157 Копейщиков П. Географ глобус пропил // Официальный сайт Алексея Иванова <Электронный ресурс> URL: http://arkada-ivanov.ru/ru/books_reviews/geograph/zakamsk_merid/ (дата обращения: 12.10. 2014)

158 Юзефович Г. Тренажер для души // Официальный сайт Алексея Иванова <Электронный ресурс> URL: <http://ivanproduction.ru/recenzii/geograf-globus-propil/trenazher-dlya-dushi.html> (дата обращения: 12.10.2014)

159 Малков Д. 37. Дети пустых времен // Официальный сайт Алексея Иванова <Электронный ресурс> URL: <http://ivanproduction.ru/recenzii/geograf-globus-propil/deti-pustyix-vremen.html> (дата обращения: 12.10.2014)

160 Головинская И. Так законы судьбы становятся законами природы // Официальный сайт Алексея Иванова <Электронный ресурс> URL: <http://ivanproduction.ru/recenzii/geograf-globus-propil/tak-zakonyi-sudbyi-stanovyatsya-zakonami-prirodyi1.html> (дата обращения: 12.10.2015)

161 Кадушин А. Алексей Иванов. Географ глобус пропил // Официальный сайт Алексея Иванова <Электронный ресурс> URL: (дата обращения: 12.10.2014) http://www.arkada-ivanov.ru/ru/books_reviews/geograph/ALEKSEJIVANOV.GEOGR0/ (дата обращения: 12.10.2014)

162 Ребель Г. Уроки Географа // Официальный сайт Алексея Иванова. URL: <http://ivanproduction.ru/literoturovedenie/uroki-geografa.html> (дата обращения 20.01.2014).

163 Бугаев Б. Одна книга – два мнения // Официальный сайт Алексея Иванова <Электронный ресурс> URL: http://www.arkada-ivanov.ru/ru/books_reviews/geograph/ODNAKNIGA-DVAMNENIJA (дата обращения: 12.10.2014)

164 Кломпмакер М. Неисправимый романтик // Официальный сайт Алексея Иванова <Электронный ресурс> URL: <http://ivanproduction.ru/recenzii/geograf-globus-propil/neispravimyj-romantik1.html> (дата обращения: 12.10.2014)

Зилов, не Печорин, не Обломов, а князь Мышкин»¹⁶⁵. Все определения относятся к классификациям на различных основаниях, и поэтому не противоречат, а, безусловно, дополняют друг друга.

Следовательно, нельзя не согласиться с О. Мокрушиной, которая называет Служкина «амбивалентным героем в его классическом виде»¹⁶⁶. По ее мнению, автор использует прием «круговой характеристики»¹⁶⁷ и создает тем самым «объемный полифонический фон-контекст»¹⁶⁸. Действительно, все окружение героя – друзья, знакомые, ученики, коллеги, дают ему различные характеристики: «алкоголик, нищий, шут гороховый, да еще и бабник в придачу»¹⁶⁹ (Надя); «ты лентяй, Витус, идеалист и неумеха»¹⁷⁰ (Будкин); «Витя, ты всегда был романтиком»¹⁷¹ (Саша) и т.д. В чем-чем, а вот в романтической составляющей данному герою отказать действительно сложно. Мы разделяем мнение Г. М. Ребель о том, что вся сложная «смесь» противоречивых качеств, поступков и устремлений главного героя, в совокупности своей складывается «в хорошо знакомую, хотя и завуалированную нетрадиционностью роли и иронической подачей фигуру романтического героя»¹⁷².

Многие исследователи отмечают, что как учитель Виктор Сергеевич терпит крах. В качестве школьного учителя Служкин абсолютно не способен

165 Писатель Алексей Иванов: «Географ не алкаш, он пьет, когда надо совершить подлость». Интервью с А. Ивановым // Комсомольская правда. 2013. 12 ноября (№ 148). С. 15

166 Мокрушина О. А. Топос постсоветской школы в русской литературе XX – XXI веков: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01 (Пермь, 2014) 217 с.

167 Там же.

168 Там же.

169 Иванов А. Географ глобус пропил / Алексей Иванов. – М.: АСТ; СПб.: Азбука-классика, 2007. – 507, [5] с. С. 299

170 Там же. С. 19

171 Там же. С. 33

172 Ребель Г. Уроки Географа // Официальный сайт Алексея Иванова. URL: <http://ivanproduction.ru/literoturovedenie/uroki-geografa.html> (дата обращения 20.01.2014).

соблюдать дисциплину на уроках, контролировать действия своих учеников. Он играет на уроках в карты, в ходе проверки тетрадей делает недопустимо вольные записи, употребляет алкоголь в обществе учеников. По мнению уже ранее цитированной нами Сысоевой, «апофеозом его педагогической беспомощности становится смещение его учениками с должности руководителя похода «за пьянку»¹⁷³. А финал произведения демонстрирует и «профанацию учебного процесса: учитель Служкин помогает с помощью шпаргалок двоечникам сдать экзамен по географии»¹⁷⁴.

Виктор Сергеевич в школе случайный человек. Но, по справедливому замечанию автора, он действительно «человек, а не функция»¹⁷⁵. Именно поэтому он смог противостоять той «непролазной и педагогически бесплотной рутине-мертвечине»¹⁷⁶, которую олицетворяют собой остальные педагоги школы во главе с завучем Розой Борисовной. Во многом благодаря своей педагогической неподготовленности и открытости миру, Служкин «нащупывает самый нерв школьного существования»¹⁷⁷. По ходу повествования он выстраивает свою собственную педагогическую концепцию: «Я знаю, что научить ничему нельзя... можно просто поставить в такие условия, где и без пояснений будет ясно, как чего делать. Конечно, я откачаю, если кто утонет, но вот захлебываться будет он по-настоящему»¹⁷⁸.

Как ни странно, одной из характеристик этого многоликого героя является святость. Данному определению главного героя придерживаются

173 Сысоева О. А. Жанровая специфика романа Алексея Иванова «Географ глобус пропил» // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 184-186. <Электронный ресурс> URL: www.gramota.net/materials/2/2014/2-2/50.html (дата обращения: 13.04.2016)

174 Там же.

175 Писатель Алексей Иванов: «Географ не алкаш, он пьет, когда надо совершить подлость». Интервью с А. Ивановым // Комсомольская правда. 2013. 12 ноября (№ 148). С. 15

176 Ребель Г. Уроки Географа // Официальный сайт Алексея Иванова. URL: <http://ivanproduction.ru/literoturovedenie/uroki-geografa.html> (дата обращения 20.01.2014).

177 Там же.

178 Иванов А. Географ глобус пропил / Алексей Иванов. – М.: АСТ; СПб.: Азбука-классика, 2007. – 507, [5] с. С. 359

несколько критиков. Галина Юзефович говорит о Служкине так: «Дурачок, юродивый, шут гороховый и вечный балагур, Служкин возводит в абсолют новый тип святости, которая, по его мнению, только и современна нынешнему миру»¹⁷⁹. Ирина Головинская сравнивает его с Левием Матвеем, который хочет «ободрать всю Землю, чтобы ничто земное и теплое не отбрасывало бы тени на идеальный ландшафт»¹⁸⁰. При этом она говорит, что у него это совсем не получается, а главным считает опыт примирения идеального мира с миром земным, который получает Географ. Дмитрий Малков отмечает, что Служкин если и святой, то только во «внутреннем содержании»¹⁸¹. Из-за своей святости он «терпит измену жены и отказывается от измены сам, <...>влюбляется в свою ученицу, но, несмотря на взаимность, не решается переспать с ней. <...> не может себе позволить бросить в беде своих учеников, которых повел в поход, несмотря на то, что они давно уже «свергли» его с должности командира»¹⁸².

Каждый из данных критиков опирается в своей теории на фразу самого Служкина: «Я просто хочу жить как святой»¹⁸³. Но понимание святости у него свое, «современное»¹⁸⁴: «Святость — это когда ты никому не являешься залогом счастья, и когда тебе никто не является залогом счастья, но чтобы ты любил людей и люди тебя любили тоже»¹⁸⁵. Таким образом, даже несмотря на существенное усложнение героя-учителя современной прозы, святость

179 Юзефович Г. Тренажер для души // Официальный сайт Алексея Иванова <Электронный ресурс> URL: <http://ivanproduction.ru/recenzii/geograf-globus-propil1/trenazher-dlya-dushi.html> (дата обращения: 12.10.2014)

180 Головинская И. Так законы судьбы становятся законами природы // Официальный сайт Алексея Иванова <Электронный ресурс> URL: <http://ivanproduction.ru/recenzii/geograf-globus-propil1/tak-zakonyi-sudbyi-stanovyatsya-zakonami-prirody1.html> (дата обращения: 12.10.2015)

181 Малков Д. Дети пустых времен // Официальный сайт Алексея Иванова <Электронный ресурс> URL: <http://ivanproduction.ru/recenzii/geograf-globus-propil1/deti-pustyix-vremen.html> (дата обращения: 12.10.2014)

182 Там же.

183 Иванов А. Географ глобус пропил / Алексей Иванов. – М.: АСТ; СПб.: Азбука-классика, 2007. – 507, [5] с. С. 341

184 Там же. С. 342

185 Там же.

продолжает фигурировать в его характеристике. Может быть, он потому плох как школьный учитель, который должен поучать и морализаторствовать, что истинное его призвание – научить детей чему-то более масштабному, сильному, вечному, чем экономическая география? «И может, именно любви я и хотел научить отцов - хотя я ничему не хотел учить»¹⁸⁶.

Таким образом, Служкин становится новым типом героя, амбивалентным - совмещающим в себе многие характеристики: он и смешон, и трагичен, и возвышен одновременно. Это герой-маргинал, который находится на периферии жизни общества. Он не стремится никого ничему научить, он сам является вопросом, «на который каждый <...> должен ответить»¹⁸⁷.

Рассказ Андрея Геласимова «Нежный возраст» (1995), написанный в форме дневника подростка, повествует о трудном процессе взросления в эпоху Перестройки. Уже в первой дневниковой записи, сделанной 14 марта 1995 г., мы узнаем о «старушке, которая дает уроки»¹⁸⁸ игры на фортепиано. Герою тоже хочется научиться играть на музыкальном инструменте, но «отец не дает денег на музыкальную старуху. Говорит, что я ничего не довожу до конца»¹⁸⁹ - плаванием и теннисом он уже заниматься не хочет. Отец советует своему ребенку «разобраться в себе»¹⁹⁰. Но помочь в этой нелегкой задаче подростку некому – родители, постоянно выясняющие отношения между собой, не способны его понять и подсказать верную дорогу. В школе так же, как и дома, царит «полный мрак»¹⁹¹ и «полный отстой»¹⁹², а учителя и

186 Там же. С. 495

187 Там же. С. 483

188 Геласимов А. Нежный возраст. // Электронная библиотека RoyalLib.com <Электронный ресурс> URL: http://royallib.com/book/gelasimov_andrey/negniy_vozrast.html (дата обращения: 25.04.15)

189 Там же.

190 Там же.

191 Там же.

192 Там же.

одноклассники - это «Гидроцефалы. Фракийские племена. Буйный расцвет дебилизма»¹⁹³.

Но ребенок все же находит себе наставника в этом мире Хаоса – «музыкальную старуху»¹⁹⁴, Октябрину Михайловну (ее имя подчеркивает принадлежность к Советскому времени), которая является носителем традиционных ценностей. Она дает главному герою посмотреть фильм «Римские каникулы» с Одри Хепберн в главной роли, красота которой переворачивает представления подростка о мире прекрасного. Книга Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» помогает герою разобраться в себе и в окружающих его людях. Именно с Октябриной Михайловной ребенок делится самым сокровенным – рассказывает ей о сложных взаимоотношениях родителей, о дружбе с Семеновым, который оказался гомосексуалистом и т.д. И учительница оказывается способной объяснить, как к этому нужно относиться, как устроен мир и как не пропасть в нем.

Герой ведет дневник на протяжении двух месяцев. Знаменательно, что и первая запись, и последняя – связаны с Октябриной Михайловной. В первой мы только узнаем о желании ребенка учиться у нее, он еще не знаком с ней, но она уже появилась в его мире. Последняя запись в дневнике – от 14 мая 1995 года – «Октябрина Михайловна умерла. Вчера вечером. Больше не буду писать. Не буду»¹⁹⁵. Она ушла из физического мира, но ее уроки не прошли даром - эта случайная встреча подростка с осколками культурного прошлого, глубоко перевернула душу героя и вместе с тем послужила основанием для противостояния миру и обретения самости.

Таким образом, в данном рассказе перед нами предстает традиционный, канонический образ учителя, который даже в мире Хаоса смог сохранить в

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Там же.

себе осколки культурного прошлого и передать их подрастающему поколению.

2.2. Образ учителя в литературе начала XXI века

Литература последних полутора десятилетий существенно изменилась как в количественном плане, так и в качественном. Об этом рассуждают многие критики и литературоведы. Очень точно по этому поводу пишет Лев Данилкин в статье «Клудж»: «единственно адекватная материалу форма представления нулевых – не мозаика в одном-двух вариантах, а список, между пунктами которого может не быть ничего общего, кроме факта появления в определенный промежуток времени»¹⁹⁶. В литературе, утверждает автор статьи, «нет своей «единой-россии», канона – или хотя бы общепринятой средней полосы»¹⁹⁷.

Известный российский исследователь литературы М. Черняк обращает внимание на то, что «в быте и бытии сегодняшней литературы причудливо совмещаются эстетические факторы и механизмы рыночной экономики, что образует специфическую и часто противоречивую траекторию развития литературы последнего десятилетия...»¹⁹⁸. В литературе, по ее мнению, «возникают противоречивые и неустойчивые синтезы жанров и литературных форм»¹⁹⁹.

С. Чупринин в статье под говорящим названием «Нулевые: годы компромисса»²⁰⁰ пишет о том, что современная литература «прошла искушение вседозволенностью, радикальными языковыми, тематическими, жанровыми экспериментами» в 90-е гг., а теперь приходит к компромиссу «между преданием и новизной»²⁰¹. Критик обращает внимание на то, что

196 Данилкин Л. Клудж. Итоги десятилетия // Новый мир. 2010. № 1. С. 135–154.

197 Там же.

198 Черняк М. Игра на новом поле, или Еще раз о диагнозе российской прозы XXI века // Знамя. 2010. №11. С. 189

199 Там же. С.189-190

200 Чупринин С. Нулевые: годы компромисса // Знамя. 2009. №2 <Электронный ресурс> Журнальный зал URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/2/ch18.html> (дата обращения: 12.02.2016)

201 Там же.

«спектр российской прозы стал, вне всякого сомнения, богаче или, по крайней мере, пестрее, но функции мейнстрима вновь вернулись к книгам, воспроизводящим не столько буйную фантазию художника, сколько его представление о действительности, взятой в ее наиболее типичных или наиболее ярких, крайних проявлениях»²⁰².

Таким образом, можно с полной уверенностью говорить о нескольких тенденциях развития современной литературы. Во-первых, в ней нет сегодня единой линии развития, авторы пишут в совершенно разных жанрах, стилях и направлениях. Но, тем не менее, в последнее время все чаще стало прослеживаться тяготение современных авторов к реалистическому изображению действительности. А во-вторых, в литературе все чаще достигается «компромисс». Его можно увидеть как в синтезе жанров, так и в альтернативе между «собственно художественными интересами авторов и требованиями рынка»²⁰³, т.е. между «элитарной» и «массовой» литературой. Такую «усредненную» литературу принято называть «новым беллетризмом», или «миддл-литературой»²⁰⁴.

Все тенденции современной литературы можно проследить и в литературе о школе. Она, покинув литературные подмостки в 1990-х, в большом количестве вернулась лишь к началу 2010-х гг. Ее возвращению способствовало несколько факторов. О проблемах школы все чаще стала высказываться широкая общественность. Проблемы воспитания и образования все чаще становились предметами обсуждения на различных конференциях и дискуссиях. Наверное, поэтому 2010 год по указу президента России Д. Медведева был объявлен «Годом учителя» "в целях развития творческого и профессионального потенциала учителей, повышения социального престижа профессии учителя". В этом же году стартовал

202 Там же.

203 Там же.

204 Там же.

скандально известный сериал Валерии Гай Германики «Школа». Он получил большое количество диаметрально противоположных оценок со стороны зрителей. Музыкальный критик Артемий Троицкий в своём отзыве назвал «Школу» «островком правдивости и достоверности среди океана густопсовевшей фальши, лжи и лукавства» Первого канала²⁰⁵. Сами же учителя дают негативные оценки телесериалу и говорят о том, что так в школах не бывает, чтобы «в образцовом классе сконцентрировалось такое количество тяжелых детей»²⁰⁶. Нельзя не согласиться с М. Черняк, которая считает, что «сериал «Школа» не был бы таким шоком для общества, если бы современная литература могла бы охватить такую же массовую аудиторию, как телевидение»²⁰⁷. Действительно, литература последних лет ставит школе «не менее неутешительный диагноз, чем создатели фильма»²⁰⁸.

205 Троицкий А. Запись от 14.02.2010 // Блог А. Троицкого на сайте «Эхо Москвы» <Электронный ресурс> URL: <http://echo.msk.ru/blog/troitskiy/656618-echo/> (дата обращения: 17.03.2015)

206 Съёмки сериала «Школа» // РИА Новости, 13 января 2010 года <Электронный ресурс> URL: <http://ria.ru/culture/20100113/204260735.html> (дата обращения: 17.03.2015)

207 Черняк М.А. Школа как диагноз: опыт современной прозы // Детская литература сегодня: сб. науч. ст. Екатеринбург: УрГПУ, 2010. С. 7–18.

208 Там же.

2.2.1. Образ учителя в произведениях гиперреализма

В литературе о школе, созданной за последние полтора десятилетия, можно выделить ряд произведений, которые отличаются набором определенных признаков. Исследователи называют данное направление гиперреализмом. Оно пришло в литературу из фотографии и живописи в конце XX - начале XXI века. Довольно емкое определение данного направления в литературе предложил критик и литературовед В. Ширяев: «Гиперреализм – точное и беспристрастное воспроизведение действительности, имитирующее фотографию: автоматизм визуальной фиксации, документализм. Излюбленное гиперреализма – реалии повседневной жизни, городская среда, реклама, макрофотографический портрет «человека с улицы», создается впечатление статичной, холодной, отстраненной, отчужденной от зрителя сверхреальности. Гиперреализм усваивает приемы фотографии и кино: крупный план, детализация, оптические эффекты, монтаж, полиэкранный, авторская раскадровка, съемка с высокой точки и т.д. Цель гиперреалистов – изобразить мир не просто достоверно, а сверхпохоже, сверхреально»²⁰⁹. Что касается героев произведений данного направления, то, по мнению Н. Л. Лейдермана, «эта проза возродила интерес к «маленькому человеку», к «униженным и оскорбленным»²¹⁰. Критик Роман Сенчин, также размышляя на тему героя современной прозы, говорит о том, что «"Маленький человек" – «ничтожный» герой – сменился на героя-маргинала, героя-монстра, героя-идиота»²¹¹. Язык таких героев подчеркнуто приближен к языку тех социальных слоев, к которым они относятся: обычно это «неправильная» речь с «чоканьем» и

209 Ширяев В. 1001 нож в спину нового реализма // Урал. 2011. №1. <Электронный ресурс> URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2011/1/sh12.html> (дата обращения: 15.05.2016)

210 Лейдерман Н.Л. Теория жанра: Научное издание / Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. - Екатеринбург, 2010. - 904 с. С. 560

211 Сенчин Р. Бумажные люди плодят бумажных героев // Электронное издание "Человек без границ" <Электронный ресурс> URL: http://www.manwb.ru/articles/arte/literature/NewHeroe_NadGorlova (дата обращения: 15.05.2016)

повторами реплик, с матом и жаргоном. Этот «грязный» язык дополняется бытовыми деталями преимущественно низменного свойства и сексуально-алкогольным «чернушничеством». На перечисленные выше особенности мы и будем обращать внимание при анализе произведений данного направления.

Наиболее подходящим жанром для беспристрастного изображения действительности является жанр пьесы. Известным и показательным представителем направления гиперреализма в современной драматургии является В. Сигарев, ученик Н. Коляды. Есть мнение, что театральнo-драматургическое движение «Новая драма» родилось как раз на премьере «Пластилина» в Центре драматургии и режиссуры (реж. К. Серебренников). Данная пьеса, написанная в 2000 году, была удостоена трех премий: «Дебют», «Антибукер» и Evening Standard Award.

Главным героем «Пластилина» является 14-ти летний подросток Максим, преследуемый и терзаемый в течение всей драмы. В пьесе 33 эпизода, каждый обозначен порядковым номером. Каждая новая сцена происходит в новом месте: квартира, подъезд, школьный туалет, улица и т.д. Перед читателями возникает картина провинциального быта, воспроизведенная в мельчайших подробностях: «Подъезд пятиэтажной «хрущёвки». Максим поднимается по лестнице на пятый этаж. Мимо него идут какие-то люди. Молчаливые, с пустыми лицами. Лестница заканчивается. Впереди дверь. Открыта и зафиксирована валенком, засунутым в щель. Напротив двери зеркало. Оно завешано красной плюшевой скатертью с бахромой».²¹² Такой автоматизм визуальной фиксации усиливает впечатление реальности, а по форме напоминает киносценарий.

С каждой новой сценой пьесы происходит все большая концентрация социального ужаса, ставшего бытовой нормой: драки, пьянство, беспорядочные сексуальные отношения. В ходе развития действия Максим

212 Сигарев В. Пластилин // Официальный сайт Василия Сигарева <Электронный ресурс> URL: <http://vsigarev.ru/doc/plastilin.html> (дата обращения: 25.04. 2016)

сталкивается с разными людьми, с которыми ему приходится общаться. Между персонажами происходят характерные для эстетики гиперреализма диалоги (обрывочность фраз, повторы, жаргон, мат и т.д.). Одной из показательных является сцена с невестой:

«НЕВЕСТА. Знаешь чё, Максик?... Забери меня отсюда...

МАКСИМ. Чё?

НЕВЕСТА. Давай, Максик, уедем с тобой, хочешь? Я буду любить тебя, Максик. Знаешь, какие у меня груди?(Смеется). Вот потрогай.... (Схватила Максима за руку, прижимает её к своей груди). Я хочу тебя, Максик. Я уже вся мокрая, Максик.

МАКСИМ (вырвал руку, пошел). Иди ты...

НЕВЕСТА (смеётся). Чё захотел! (Кричит жениху). Славик, сука, меня этот пидор за сиську схватил! Стой, бля, шакал!

Жених сорвался, побежал к ним.

НЕВЕСТА. Стой, тварь!

Максим идет, не оборачивается.

ЖЕНИХ. Стоять, мудень!

Максим остановился.

ЖЕНИХ (подбежал к нему). Ну, чё, ссучок, с тобой делать будем? (Замахнулся).

Максим вздрогнул.

НЕВЕСТА. Славик, сука, наваляй ему! Чё не мужик, что ли?! Вали его на! Вали суку!»²¹³

213 Там же.

Главный герой противопоставлен всем остальным персонажам пьесы, что видно уже из афиши: «Действующие лица. Максим – 14 лет. Она. И Другие...»²¹⁴. Все они настроены враждебно по отношению к герою. Женщины, встречающиеся на пути Максима, заиклены на материально-телесном низе (показанный выше эпизод с невестой, сцена с домогавшейся женщиной на трибуне стадиона и т.д.). Образ учительницы русского языка и литературы подан в том же ключе. Людмилу Ивановну два раза из трех (третий – в кабинете директора при исключении Максима из школы) мы видим входящей в мужской туалет для того, чтобы якобы разобраться с курящими подростками. На самом же деле, она лишь мстит ученику, «настучавшему по дыне»²¹⁵ ее «племяннику-карманнику»²¹⁶. Учительница являет собой тип «педагога-монстра»²¹⁷, который желает смерти своего ученика: «С ним песенка уже давно спета»²¹⁸, «Ну, с ним-то вопрос решенный. <...> Может, прибьют на улице скорее, да и все. Хоть одним гадом на земле меньше будет»²¹⁹. По мнению исследователя И.Б. Болотяна, «все, чем Максим может ответить окружающей его ненависти, – ответной грубостью и фигурами из пластилина. Вылепленный им специально для того, чтобы напугать учительницу, «член» – гротескное изображение ее нереализованных желаний, которые осознаются подростком («член из пластилина слеплю до колена, и пускай радуется»), и то, что, как ему кажется и как принято в подростковой мифологии, должно сразить взрослую

214 Там же.

215 Там же.

216 Там же.

217 Болотян И.Б. Художественная структура «Пластилина» Василия Сигарева // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2010. №11. С. 198-205

218 Сигарев В. Пластилин // Официальный сайт Василия Сигарева <Электронный ресурс> URL: <http://vsigarev.ru/doc/plastilin.html> (дата обращения: 25.04. 2016)

219 Там же.

женщину – символ власти и превосходства»²²⁰. Именно учительница становится первой из тех, кто убивает Максима.

Кульминацией драмы становится сцена насилия подростков двумя взрослыми уголовниками. Согласившись играть в карты, Максим с другом Лехой сами подписывают себе приговор. На следующий день умирает бабушка главного героя, и став абсолютно одиноким в этом мире, он решает мстить своим мучителям. Отправившись в логово преступников, герой обрекает себя тем самым на смерть.

В полном соответствии эстетике гиперреализма написан и роман начинающей писательницы Е. Георгиевской «Место для шага вперед» (2007), получивший премию «Дебют». Роман посвящен, как и предыдущее произведение, 1990-м годам, «эпохе Цоя». Главным героем романа является Володя, Владимир Юрьевич, выпускник педагогического университета, который «сел с дипломом в лужу»²²¹. В школу соседнего города Л. он устраивается «по блату», так как ни на какую другую работу его не берут. Про школу сразу говорится, что она «не фонтан, но и не такой гадюшник, чтобы крест можно было ставить»²²² (на школы своего города герой давно «поставил крест»²²³). Таким образом, преподавать молодому педагогу посчастливилось в сравнительно хорошей школе. Тем не менее, именно она является пристанищем для «идиотов»²²⁴, «хамов»²²⁵ и «разгильдяев»²²⁶. Школе герои произведения дают разные определения, лучшими из которых являются

220 Болотян И.Б. Художественная структура «Пластилина» Василия Сигарева // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2010. №11. С. 198-205

221 Георгиевская Е. Место для шага вперед // Волга–XXI век. 2007. № 11–12. URL: <http://magazines.russ.ru/volga21/2007/11/ge9.html> (дата обращения 20.03.2016).

222 Там же.

223 Там же.

224 Там же.

225 Там же.

226 Там же.

«мышовник»²²⁷ и «клоповник»²²⁸. Вообще, работа в российской школе, по мнению автора, это - «счастье для мазохистов»²²⁹. Она является неким переходным типом заведения, между «цирком»²³⁰ и «дурдомом»²³¹: «Так что играйте. Много вы за свои школьные годы видели психически уравновешенных учителей? А у них у всех дипломы. <...> Делайте вид, что у вас не депрессия, а раздумья по поводу образовательной реформы. Не маниакальный психоз, а стремление всех немедленно просветить. Не истерия, а педагогическое рвение. Учитель – всегда актер, как заметила одна моя знакомая учительница, которую очень трудно было назвать психически уравновешенным человеком»²³², - сообщает нам автор произведения.

Главный герой, еще на четвертом курсе университета получивший «медицинский диагноз»²³³ «профнепригодного»²³⁴ и «разгильдяя»²³⁵, органично вписывается в атмосферу школьной жизни. В школе все, начиная с директора и заканчивая сторожем, постоянно пьют. Другом молодого специалиста становится Алексей, «лохматый тип в джинсах»²³⁶, учитель русского языка и литературы, или, как его называет жена – «литролог»²³⁷. На уроках, по его собственному определению, детей он «не учит, а дурью мается»²³⁸, то есть пытается «заронить в сердца этих полудурков хоть чего-

227 Там же.

228 Там же.

229 Там же.

230 Там же.

231 Там же.

232 Там же.

233 Там же.

234 Там же.

235 Там же.

236 Там же.

237 Там же.

238 Там же.

нибудь разумное, это самое и вечное»²³⁹ - любовь к рок-музыке. Жена Алексея – Галина, тоже педагог, преподаватель английского языка, страдающая алкоголизмом: «Она в первый рабочий день пришла с опозданием на двадцать пять минут, – поведал супруг. – Ты можешь подумать, что она пришла трезвая, и глубоко ошибешься. С тех пор дети любят ее до потери пульса и бегают за ней, как лошади»²⁴⁰.

Сам Владимир Юрьевич в первый рабочий день предстает перед детьми в следующем виде: «невысокий, но крепкий и статный молодой человек в черных джинсах и сером пиджаке поверх выдавшей виды рубашки. Галстук он надеть не удосужился. Густые светлые волосы плакали по расческе»²⁴¹. Он мало чем отличается как от остальных педагогов школы, так и от детей. Ученики называют его ласково «наш мудак»²⁴² и подсовывают в карманы записки с «шедевральными текстами»²⁴³:

«Не ори, садист-учитель,
Не ругайся во хмелю.
Любишь алгебру, мучитель?
А я девочек люблю.
Я задачи не решаю,
Я тебя нарочно злю.
Я на алгебру чихаю,
Так как девочек люблю.
Курит, пьет дурак Володька,

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ Там же.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Там же.

²⁴³ Там же.

В школу ходит во хмелю.

Любит он вино и водку,

А я девочек люблю»²⁴⁴.

Убедившись в первые дни работы в своей «профнепригодности»²⁴⁵, «последователь Макаренко»²⁴⁶ (имя великого педагога употреблено здесь явно в ироническом контексте) решает почитать книгу профессора П.И. Крестовоздвиженского “Введение в педагогическую профессию”, «несколько лет назад насильно проданной Володе автором»²⁴⁷. Но в искомой главе “Советы молодому педагогу” «два последних слова были густо зачеркнуты и сверху написано: “любителю выпить”»²⁴⁸. Советы, такие как: «Пейте всегда в одни и те же часы, формируйте у себя привычку к алкоголю»²⁴⁹ или «Полноценное пьянство – биологическая потребность организма. Недопивать – значит работать на износ»²⁵⁰, показались молодому специалисту «более актуальными, чем оригинал»²⁵¹, поэтому он решил незамедлительно ими воспользоваться.

В произведении, описывающем реалии постсоветского времени, ярко представлены такие пороки общества, как коррупция и доноительство. Вот что узнает Володя о директоре школы: «Все знают, что Нине дают взятки. Преимущественно деньгами. И на эти деньги она покупает преимущественно коньяк»²⁵².

244 Там же.

245 Там же.

246 Там же.

247 Там же.

248 Там же.

249 Там же.

250 Там же.

251 Там же.

252

Рядовые же преподаватели не упускают ни единого случая, чтобы написать донос в РОНО – это для них единственный способ выжить в новых условиях. Они объединяются в группы и подговаривают детей на данную авантюру. Владимиру Юрьевичу также предлагают писать клязу на коллегу: «Давайте напишем на нее докладную. Или нет – заставим писать детей. РОНО великолепно реагирует на детские вопли. Я побеседую с семиклассниками, а вы встряхните десятые классы. Промедление смерти подобно!» - сообщает Оксана Борисовна.

Герой долгое время отказывался писать доносы, а тем более подговаривать на это детей – было ниже его достоинства. Тем не менее, он попался на этот крючок, а дирекция школы, в свою очередь, подставила его. Владимир Юрьевич не смог выжить в этом мире двойных стандартов – в финале он собирается уходить из школы. Работа в винно-водочном магазине кажется ему более перспективной.

Владимир Юрьевич являет собой тип учителя-маргинала, который не может найти свое место в том мире, который его окружает.

Таким образом, в произведениях гиперреалистической направленности происходит полная девальвация профессии учителя. Учитель – это либо монстр, желающий своим подопечным скорейшей смерти, либо маргинал, попавший в школу случайно, из-за отсутствия каких-либо других перспектив. Нельзя не согласиться с мнением О. Лебёдушиной, которая считает, что «в зеркале современной прозы школа посттоталитарная и постсоветская оказалась пострашнее школы тоталитарной и советской»²⁵³. Похожая ситуация прослеживается и в других произведениях современной литературы, таких как «Лето по Даниилу Андреевичу» (2007) Н. Курчатовой и К. Венглинской, «Мультики» (2010) М. Елизарова, «Класс коррекции» (2007) Е. Мурашовой и др.

253 Лебёдушкина О. Возвращение лузера. О любимчиках и пасынках «нового производственного романа» – 2 // Дружба народов. 2009. № 11. С. 188–197

2.2.2. Образ учителя в женской прозе

В современной литературе есть немало произведений, написанных о школе педагогами. Мы остановимся на анализе произведений М. Аромштам «Как дневник. Рассказы учительницы» (2012) и Е. Камаевой «Ёлка. Из школы с любовью, или Дневник учительницы» (2012).

Уже в названиях данных произведений обозначен жанр – дневник. По мнению М. П. Абашевой и Н. В. Воробьевой, «в жанре дневника субъект письма соединяет в себе такие разнопорядковые функции, как автор и персонаж, то есть имеет в качестве темы себя самого, подробно себя анализирует, изо дня в день фиксируя свои впечатления и ментальные состояния»²⁵⁴. Таким образом, педагоги, знающие систему образования изнутри, создают тексты, написанные от первого лица, подчеркивая тем самым реалистичность повествования. Отсюда можно сделать вывод об автобиографичности и субъективности данных текстов, а это – «конституирующие свойства женских текстов»²⁵⁵. Женская проза, вновь набравшая популярность в конце XX – начале XXI вв., существует преимущественно в двух видах: «во-первых, это женская проза с феминистской направленностью на освобождение женщины, бунтом против существующих культурных норм. Эта направленность, как правило, совпадает с установкой на новую поэтику. <...> Во-вторых, это дамская повесть, дамский роман, исповедующий как раз сохранение канона – как идеологического (и по отношению к женщине тоже), так и эстетического (отказ от новизны в пользу устойчивых норм и формул). <...> Кроме того, между женской прозой и дамской повестью (романом) есть и промежуточные жанры женской беллетристики»²⁵⁶. Именно к такому «промежуточному»

254 Абашева М. П., Воробьева Н.В. Русская женская проза на рубеже XX-XXI веков: Учеб. Пособие по спецкурсу / М. П. Абашева, Н. В. Воробьева; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2007. – 176 с. С. 125

255 Там же. С. 102

256 Там же. С. 154

жанру можно отнести анализируемые произведения. Кроме того, тематика и проблематика данных книг обуславливает присутствие в них черт школьной повести. Более подробно рассмотрим их при конкретном анализе произведений.

Ольга Камаева несколько лет работала в школе учителем истории. Роман «Ёлка. Из школы с любовью, или Дневник учительницы», по признанию самого автора, был задуман еще в 1998 году, однако замысел был реализован только в 2012 г. Данное произведение стало лауреатом премии «Рукопись года».

Действие романа разворачивается в начале 2000-х годов, в течение одного учебного года: первая запись в дневнике датирована 19 августа, а последняя – 1 июня. Главной героиней произведения является молодая учительница истории, только что закончившая университет и решившая связать свою судьбу со школой. Первую характеристику героине дает автор:

«Идеалистка», - вздыхали ей во след одни.

«Дура», - вертели у виска другие.

А она верила, что сможет что-то изменить – ведь в школе все зависит от учителя.

«Ты же через полгода сбежишь», убеждали ее пессимисты.

«Максимум через год», - великодушно давали отсрочку оптимисты.

«Вы – лучшая!» - писали ей ученики.

«Им дают, а они еще недовольны ... Зажрались», - выговаривала ей в спину чиновница.

А она все повторяла: «У меня получится!». И опять шла на урок в свой 9 класс»²⁵⁷.

Таким образом, Елена Константиновна представляет собой образ максималистки и идеалистки, увлеченной своим делом. Романтизация работы учителя в сознании героини оправдывается тем, что сама она по причине болезни не посещала школу (была на индивидуальном обучении), а представление о труде учителя она получила из книг великих педагогов – А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского и др.

Дети дают ей очень точное прозвище – «Ёлка»²⁵⁸, что в переводе означает, по мнению другой учительницы истории по прозвищу Мадам, «зелененькая такая, симпатичная, но с иголками. Если что, и уколоть может»²⁵⁹. Сама же Ёлка ощущает себя «инженером человеческих душ»²⁶⁰, но эта должность оказывается молодой учительнице не под силу. Она постоянно испытывает трудности в общении с детьми, родителями, коллегами и с начальством. За помощью и советом героиня обращается все к той же «Педагогической поэме» А. С. Макаренко, которая в данном произведении, в отличие от «Места для шага вперед» Е. Георгиевской, имеет положительную коннотацию, а авторитет выдающегося педагога начала XX века не подвергается сомнению.

К концу учебного года у Елены Константиновны накапливается усталость, она понимает, что борьба с ветряными мельницами ни к чему хорошему не приведет, она чувствует свое бессилие что-то изменить и разочаровывается в педагогике. Конфликты с коллегами и начальством, непонимание родителей и учеников, мнимое предательство любимого

257 Камаева О. Ёлка. Из школы с любовью или Дневник учительницы. Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Астрель-СПб, 2013. 285 с. С. 3

258 Там же. С. 42

259 Там же.

260 Там же. С. 34

человека подкашивают здоровье молодой учительницы, и она собирается уходить из школы. Но в последней дневниковой записи она меняет свое решение: «Из школы никуда не уйду <...>. Ведь говорят же: что нас не убивает, то делает сильнее. Значит, я стану очень-очень сильной. И уж тогда – держитесь!»²⁶¹

Весьма неожиданным для читателей является трагический финал романа. Школа в буквальном смысле «убивает»²⁶² молодую, романтическую учительницу: у нее случается сердечный приступ. Но традиционный для жанра школьной повести мотив ученика, решившего идти по стопам любимого учителя, слегка сглаживает впечатление. «Он не подведет и обязательно поступит, будет хорошо учиться, станет таким же умным и справедливым, как она – Ёлка, Ёлочка ... В школе все зависит от учителя, значит, он должен стать очень хорошим учителем»²⁶³, - так размышляет лучший ученик Елены Константиновны, находящийся в больнице и ничего не подозревающий о смерти учительницы.

Публицистическая манера повествования О. Камаевой и механистическое поднимание всех проблем школы переходного периода (каждая дата в дневнике – новая проблема: утрата авторитета учителя в глазах родителей и учеников, бюрократизм, формализм, социальное расслоение в классе, нездоровая атмосфера в учительском коллективе и т.д.) приближает данный роман к массовой литературе. А традиционная для женской прозы любовная линия встроена в текст весьма неумело, образ возлюбленного выглядит схематично и неубедительно.

Образ учителя в данном произведении строится в романтическом ключе. Это подчеркивается необычными обстоятельствами жизни главной героини (болезненность, одиночество, замкнутость), неприятием идеалов

²⁶¹ Там же. С. 272

²⁶² Там же. С. 223

²⁶³ Там же. С. 238

общества (бюрократизм, формализм, обманы и т.д.). Ёлка является яркой, исключительной личностью, которой нет места в этом жестоком мире. Именно поэтому трагический финал романа является закономерным итогом развития сюжета.

М. С. Аромштам (1960 г. р.) – педагог, журналист, главный редактор сайта «Папмамбук», автор нескольких книг о воспитании. Сама Марина Семеновна проработала 20 лет в школе учителем начальных классов, под ее руководством развивался экспериментальный класс. Осмыслением своего опыта в художественной форме М. С. Аромштам занялась довольно в зрелом возрасте – первая книга была издана в 2007 году. Из-под ее пера вышло несколько книг для детей, а также 2 книги для взрослых: «Когда отдыхают ангелы» (2010) и «Как дневник. Рассказы учительницы» (2012). В них писатель транслирует традиционные ценности института школы, рассказывая историю о том, как нелегко быть педагогом в современном мире. Данные книги ориентированы на широкий круг читателей, в основном – на женщин: мам и педагогов. Поэтому в повестях прослеживаются черты «дамского романа».

Повесть «Как дневник. Рассказы учительницы» начинается с проблемы гендерного самоопределения героини. Перебирая гречку, она ставит перед собой и перед читателем ряд «праздных вопросов»²⁶⁴, которые могут расцениваться как «феминистский выпад»²⁶⁵. Женщина, а в особенности женщина-педагог, по мнению автора, соединяя в себе феминные и маскулинные черты, становится выше мужчины: «Ха! Функции! Да пусть они так попробуют: статью – вместе с гречкой!»²⁶⁶. И на протяжении всего повествования острая проблема феминизации общества, а особенно – школы,

264 Аромштам, Марина Семеновна. Как дневник. Рассказы учительницы / Марина Аромштам. – М.: КомпасГид, 2012. – 128 с. С. 5

265 Там же.

266 Там же. С. 6

не перестает звучать. В качестве примера приводится случай с куклой Барби, которая становится мечтой каждой девочки. Для полноценных детских игр вскоре в продаже появляется и кукла-мужчина. «Но появляется с ощутимым уроном для мужского достоинства – не сам по себе, а в качестве мужа Барби. И это – муж Барби – его главное качество»²⁶⁷. Автор предлагает решение данной проблемы. В главе «Папская педагогика» учительница организывает «парное» родительское собрание, на котором публично признается «в собственных женских слабостях»²⁶⁸: «Я думаю, что как педагог могу дать вашим детям достаточно много. (*Пауза, выразительный взгляд, тестирующий аудиторию на принятие тезиса.*) Но каковы бы ни были мои возможности, они ограничены. (*Пауза. Взгляд: такое признание сделать непросто.*) Одно из ограничений определяется моей половой принадлежностью: я – женщина»²⁶⁹. Марина Семеновна (ее имя появляется лишь в предпоследней главе) предлагает папам проводить по пятницам уроки и чему-то новому учить детей. Папы с удовольствием соглашаются. Юлин папа научил детей вязать узлы, папа Стаса рассказал об электричестве и показал, как собирается электрическая цепь, а папа Алины научил детей накладывать гипс и делать повязки.

В повести несколько раз актуализируется значимый для женской беллетристики мотив письма. В произведении имеются вставные фрагменты, выделенные другим шрифтом, которые являются текстом, написанным самой героиней. Один из таких фрагментов называется «Феномен Рея Бредбери. Из ненаписанного романа». В нем повествуется в сказочной манере о путешествии ребят в Танаис, организованное учительницей для погружения детей в эпоху античности. Главным событием должна была стать (и стала) ролевая игра. На самом деле, в форме сказки автор пытается донести до

²⁶⁷ Там же. С. 31

²⁶⁸ Там же. С. 63

²⁶⁹ Там же.

читателя простые педагогические истины. Она ненавязчиво обучает манере поведения с детьми, напоминает об основных принципах педагогики, подсказывает эффективные педагогические приемы (традиция собираться для общения с детьми «на ковре»; проведение мероприятий с сюжетом, постановка спектаклей сначала силами родителей (чтобы научить), а потом только детьми и т.д.), дает рецепты из книги «Экзотические рецепты педагогической кухни»²⁷⁰.

С жанром традиционной школьной повести данное произведение роднит тематика и проблематика. Действие повести разворачивается в течение довольно длительного времени, тем не менее, обусловлено рамками учебного процесса – начальная школа. В начале произведения мы видим переход детей из детского сада в первый класс, а в конце дети покидают родную учительницу, которая не может «перепрыгнуть» через веревочку, натянутую на высоте полуметра, и переходят в пятый класс. В повести также есть традиционный конфликт – в классе произошла кража. Проблема разрешается благоприятнейшим образом: украденный кошелек возвращен хозяину, вор наказан, но, стараниями педагога, не исключен из социума.

Учитель в данном произведении предстает перед нами обыкновенным человеком, со своими слабостями и переживаниями: «Я тоже живой человек, и что же мне, говорить с ними про прекрасное, доброе, вечное, если кругом такое дерьмо...»²⁷¹ - заявляет Марина Семеновна после случая с украденным кошельком.

Нельзя не согласиться с мнением П. Копыловой, которая определяет героев реалистической современной прозы как «обыкновенных» - а точнее – «просто людей», написанных более или менее достоверно»²⁷². Именно

270 Там же. С. 40

271 Там же. С. 90-91

272 Копылова П. Частное лицо. // Электронное издание "Человек без границ" <Электронный ресурс> URL: http://www.manwb.ru/articles/arte/literature/NewHeroe_NadGorlova (дата обращения: 15.05.2016)

такими, обычными, живыми людьми предстают перед нами героини женской прозы. Оба педагога свято верят в высокую миссию учителя и стараются ей соответствовать. Но если в романе О. Камаевой образ учителя является романтическим, то в произведении М. Аромштам он максимально реалистичен. Несмотря на данные различия, можно с уверенностью говорить о том, что писательницы-педагоги стремятся реабилитировать героев-учителей в своих произведениях.

Заключение

Школа как социальный институт является важной составляющей любого общества. Учитель же воплощает в себе идеологический культурный тип, транслирующий основные ценности конкретного социума. Именно поэтому он является главным героем многих художественных произведений.

Становление школы как социального института в современном его понимании происходит в нашей стране после установления Советской власти. В это же время в литературе появляется новый художественный метод – социалистический реализм. Ядром жанровой системы данного направления стал роман, герой которого всегда идеален.

Ключевым текстом социальной утопии соцреализма, в котором главным героем становится учитель, является «Педагогическая поэма» А. С. Макаренко (1933-1934). Герой-Макаренко наделен не только всеми человеческими достоинствами (решительность, целеустремленность и т.д.), но и сверхъестественными способностями (исцеление душевнобольного Полищука). Чтобы добиться своей цели, герою приходится работать не только над воспитанниками, но и, в первую очередь, над собой: ему пришлось подавить собственную «интеллигентскую тряпичность», привыкнуть к «к молчаливому, терпеливому напряжению». В каждой главе герои сталкиваются с новыми трудностями, в основном – это борьба с «внешними врагами», такими как самогоноварение или кулацкий класс. Герой данного произведения являет собой тип учителя-демиурга, творца новой реальности. Именно такой тип учителя и был принят нами за канон. Он реализуется также и в других произведениях, написанных в 20-50 гг. XX в. (рассказ А. Платонова «Песчаная учительница», повесть Ф. Вигдоровой «Мой класс»).

В этот же период возникает жанр школьной повести, отдельные черты которого можно проследить еще в литературе XIX века. Школьная повесть

характеризуется жесткой сюжетно-композиционной структурой, определенной тематикой (взаимоотношения в школьном коллективе), особым хронотопом (обусловлен спецификой организации образовательного процесса), традиционными мотивами.

Особую популярность школьная повесть приобретает в период «оттепели». В это время писатели получили возможность писать более открыто об актуальных проблемах современности. Вследствие чего в произведениях о школе стали высказываться сомнения в правомочности и эффективности отдельных методик обучения и коммуникации в школьных сообществах и т.п., не подвергая сомнению постулаты советской школы. Как следствие, изменяется тип конфликта: если раньше герои боролись с внешним врагом, то теперь главными в произведении являются нравственные и психологические конфликты. Устойчивым конструктивным элементом школьной повести становится диалог, в ходе которого сталкиваются мнения героев-оппонентов.

Герои-учителя в это время уже не являются демиургами, творящими новую реальность. Разрушение представления об учителе как о «сверхчеловеке» происходит и в рассказе В. Г. Распутина «Уроки французского» (реакция ученика на приглашение Лидией Михайловной за стол). Это разрушение авторитета педагога можно увидеть в том, что ученики становятся на одну ступень со своим наставником и могут безнаказанно хамить педагогу («Чучело» В. Железникова).

Родительская функция педагогов хоть и сохраняется, но претерпевает значительные изменения: если раньше это был Отец-наставник, то сейчас – заботливая Мать, которая стремится оградить своих детей от неприятностей. В некоторых случаях учителя становятся детям даже ближе, чем собственные родители – на этом фоне возникает конфликт, отраженный в киноповести Г. Полонского «Ключ без права передачи».

В середине 80-х годов XX века в истории России наступил переломный момент: крушение тоталитарного строя, переход на демократический путь, развитие рыночной экономики в корне изменили уклад жизни общества. В это время рушится традиционная система ценностей, а следовательно – меняются и общественные институты (в частности – школа), которые должны транслировать данные ценности. Знания больше не востребованы обществом, для рыночной экономики востребованным умением становятся хитрость и деловая хватка. Рост по карьерной лестнице и хороший заработок становятся главной целью современного человека, и потому инстанция учителя как носителя духовных, а не материальных ценностей, в условиях рыночной экономики стремительно девальвируется.

Литература данного периода отличается большим разнообразием: в Россию хлынул огромный поток возвращенной литературы, создавалось множество новых произведений, на страницах которых, в основном, разворачивались политические дискуссии. Школьная же тема была вытеснена со страниц литературных произведений другими проблемами. Тем не менее, единичные произведения о школе создаются, хотя и не являются востребованными у читателя того времени.

Традиции жанра школьной повести можно проследить в произведении Л. Симоновой «Круг», написанном в 1985 году и запечатлевшем атмосферу переходного периода. В созданном автором диалектическом портрете поколения представлена целая галерея различных типов учителей. Представителем старшего поколения, носителем уходящих ценностей Советского государства является завуч школы Виктория Петровна, которая не может принять новую систему и уходит со своего профессионального поприща. Образ Анатолия Алексеевича, молодого учителя истории, выстраивается как образ божества. Таким образом, он воплощает собой канонический образ учителя-демиурга, творящего новую действительность. Также в данном произведении появляется новый образ учителя, типичный

для переходного периода. Ольга Яковлевна, оказавшись профессионально несостоятельным педагогом, живет в мире двойных стандартов, стремится выслужиться перед начальством, для того, чтобы сохранить работу в престижном учебном заведении.

Наиболее значимым произведением о школе 1990-х гг. стал роман А. Иванова «Географ глобус пропил», который попадает в самый центр проблемного поля поисков новой художественной литературы и нового героя. В данном произведении прослеживаются традиции «школьного» романа воспитания, но все ситуации, характерные для данного жанра, травестированы. По мнению многих исследователей, русская литература 1990-х гг. публично покаялась в грехе учительства и отказалась кого-либо чему-либо учить. А главным героем произведений о школе становится учитель-маргинал, стоящий на самом дне общества и пришедший в школу от безысходности. Именно таким героем является Виктор Сергеевич Служкин. Это абсолютно новый тип героя – его главной характеристикой является амбивалентность, которая порождена антиномичностью переходной эпохи. Таким образом, происходит полное разрушение канонического образа учителя-демиурга, учитель теряет свои родительские функции. Но именно такой герой оказывается востребованным обществом в 90-е гг. – благодаря своей творческой энергии он все же увлекает учеников и учит их главному – умению жить.

В рассказе А. Геласимова «Нежный возраст» (1995), написанном в форме дневника подростка, повествуется о трудном процессе взросления в эпоху Перестройки. И в семье главного героя-подростка, и в школе царит «полный мрак». Но герою удастся найти себе наставника в этом мире Хаоса – им становится Октябрина Михайловна, учительница музыки. Она являет собой традиционный, канонический образ учителя, который смог сохранить в себе осколки культурного прошлого и передать их подрастающему поколению.

Литература последних полутора десятилетий претерпела значительные изменения: в ней нет единой линии развития, авторы пишут в совершенно разных жанрах, стилях и направлениях. Тем не менее, в литературе все чаще достигается «компромисс»: его можно увидеть как в синтезе жанров, так и в альтернативе между собственно художественными интересами авторов и требованиями рынка, т.е. между «элитарной» и «массовой» литературой.

Все тенденции современного литературного процесса можно проследить и в литературе о школе. Заметным направлением в литературе «нулевых» годов является гиперреализм, который стремится изобразить мир «сверхпохоже», «сверхреально». Характерными чертами данного направления являются точное и беспристрастное воспроизведение действительности, автоматизм визуальной фиксации, концентрация деталей преимущественно низменного свойства и сексуально-алкогольное «чернушничество». Героями произведений данного направления становятся герои-монстры и герои-маргиналы, язык которых подчеркнуто приближен к языку тех социальных слоев, к которым они относятся: обычно это «неправильная» речь с «чоканьем» и повторами реплик, с матом и жаргоном.

В произведениях гиперреалистической направленности происходит полная девальвация образа учителя. Учитель – это либо монстр, желающий своим подопечным скорейшей смерти (Людмила Ивановна из пьесы В. Сигарева «Пластилин»), либо маргинал, попавший в школу случайно, из-за отсутствия каких-либо других перспектив (Владимир Юрьевич из романа Е. Георгиевской «Место для шага вперед»).

Восстановлением образа учителя в художественных произведениях занялись женщины-педагоги, которые знают систему образования изнутри. В романах О. Камаевой и М. Аромштам, написанных в форме дневника, соединяются жанровые черты «школьной повести» и «дамского романа». Героини обоих романов свято верят в высокую миссию учителя и стараются ей соответствовать. Но если в романе О. Камаевой образ учителя является

романтическим, то в произведении М. Аромштам он максимально реалистичен. Несмотря на данные различия, можно с уверенностью говорить о том, что писательницы-педагоги стремятся реабилитировать героев-учителей в своих произведениях.

Таким образом, проследив трансформацию образа учителя в современной литературе, можно сказать о том, что канонический образ учителя-демиурга, принимающего на себя часть родительских функций, в той или иной мере присутствует на каждом этапе развития литературного процесса. Отсутствие же героя-учителя в современной литературе воспринимается как знаковый «минус-прием», знаковое отсутствие, говорящее о проблеме мировоззренческого кризиса в обществе, когда инстанция учителя и школы как институции девальвируется, маргинализируется.

Поднятая в настоящей работе тема, безусловно, может быть весьма перспективной для дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Абашева М. П., Воробьева Н.В. Русская женская проза на рубеже XX-XXI веков: Учеб. Пособие по спецкурсу / М. П. Абашева, Н. В. Воробьева; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2007. – 176 с. С. 125
2. Алексин А. А тем временем где-то ... Повести. М. Мол. гвардия, 1980. – 575 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 423 с.С. 201
4. Белова Н. А. Повседневная жизнь советских учителей (на материалах Костромской области): диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.07 (Москва, 2011) 232 с. <Электронный ресурс> URL: <http://cheloveknauka.com/povsednevnaya-zhizn-sovetskih-uchiteley> (дата обращения: 15.10.2014)
5. Болотян И.Б. Художественная структура «Пластилина» Василия Сигарева // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2010. №11. С. 198-205
6. Бугаев Б. Одна книга – два мнения // Официальный сайт Алексея Иванова <Электронный ресурс> URL: http://www.arkada-ivanov.ru/ru/books_reviews/geograph/ODNAKNIGA-DVAMNENIJA (дата обращения: 12.10.2014)
7. Введение в литературоведение: Учеб. пособие/ Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, Э.Я. Эсалнек и др.; Под ред. Л.В. Чернец. – М.: Высш. шк., 2004. – 680 с.
8. Вигдорова Ф.А. Мой класс. // Электронная библиотека RoyalLib.com <Электронный ресурс> URL:

- http://royallib.com/book/vigdorova_frida/moy_klass.html (дата обращения: 8.05.2016)
9. Власова М. В. Образ и коммуникативная позиция учителя в русской литературе: Д.И. Фонвизин, И.С. Тургенев, А.П. Чехов диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01 (Томск 2005)
10. Геласимов А. Нежный возраст. // Электронная библиотека RoyalLib.com <Электронный ресурс> URL: http://royallib.com/book/gelasimov_andrey/negniy_vozrast.html (дата обращения: 25.04.15)
11. Георгиевская Е. Место для шага вперед // Волга–XXI век. 2007. № 11–12. URL: <http://magazines.russ.ru/volga21/2007/11/ge9.html> (дата обращения 20.03.2016).
12. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1979, 224 с.
13. Головинская И. Так законы судьбы становятся законами природы // Официальный сайт Алексея Иванова <Электронный ресурс> URL: <http://ivanproduction.ru/recenzii/geograf-globus-propil1/tak-zakonyi-sudbyi-stanovyatsya-zakonami-prirodyi1.html> (дата обращения: 12.10.2015)
14. Данилкин Л. Географ глобус пропил //Официальный сайт Алексея Иванова <Электронный ресурс> URL: <http://www.ivanproduction.ru/recenzii/geograf-globus-propil1/posle-oshhetinivshejsya.html> (дата обращения: 24.12. 2014)
15. Данилкин Л. Клудж. Итоги десятилетия // Новый мир. 2010. № 1. С. 135–154.
16. Долгих Т. Основные мотивы романа Алексея Иванова «Географ глобус пропил» // Филолог. 2004. № 4. С. 19–24.
17. Железников В. К. Чучело. М.: Бамбук, 1998. – 254 с.

18. Жуков В. Школа и насилие: семь мифов о гуманизации школьного образования // Дружба народов. 2009. № 1. С. 181–191
19. Иванов А. Географ глобус пропил / Алексей Иванов. – М.: АСТ; СПб.: Азбука-классика, 2007. – 507, [5] с.
20. Кадушин А. Алексей Иванов. Географ глобус пропил // Официальный сайт Алексея Иванова <Электронный ресурс> URL: http://www.arkada-ivanov.ru/ru/books_reviews/geograph/ALEKSEJIVANOV.GEOGR0/ (дата обращения: 12.10.2014)
21. Камаева О. Ёлка. Из школы с любовью или Дневник учительницы. Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Астрель–СПб, 2013. 285 с.
22. Кломпмакер М. Неисправимый романтик // Официальный сайт Алексея Иванова <Электронный ресурс> URL: <http://ivanproduction.ru/recenzii/geograf-globus-propil1/neispravimyj-romantik1.html> (дата обращения: 12.10.2014)
23. Копейщиков П. Географ глобус пропил // Официальный сайт Алексея Иванова <Электронный ресурс> URL: http://arkada-ivanov.ru/ru/books_reviews/geograph/zakamsk_merid/ (дата обращения: 12.10. 2014)
24. Копылова П. Частное лицо. // Электронное издание "Человек без границ" <Электронный ресурс> URL: http://www.manwb.ru/articles/arte/literature/NewHeroe_NadGorlova (дата обращения: 15.05.2016)
25. Костелянец Б. «Педагогическая поэма» А. С. Макаренко. М.- Л., 1963 С. 22-23
26. Лебёдушкина О. Возвращение лузера. О любимчиках и пасынках «нового производственного романа» – 2 // Дружба народов. 2009. № 11. С. 188–197
27. Лейдерман Н.Л. Теория жанра: Научное издание / Институт филологических исследований и образовательных стратегий

- «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. - Екатеринбург, 2010. - 904 с.
28. Ленин В. И. Последние письма и статьи. — М.: Политиздат, 1977. — 71 с.
29. Лещинский, В. И. Всегда ли прав учитель? / В. И. Лещинский ; сост. С. С. Кузнецов, С. В. Кульневич. - М. : Педагогика, 1990. - 160 с.
30. Литературный энциклопедический словарь (Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П.А. Николаева. Редкол.: Л.Г. Андреев, Н.И. Балашов, А.Г. Бочаров и др. — М.: Сов. энциклопедия, 1987. — 752 с.
31. Литовская М.А. Школьная повесть как инструмент анализа повседневности советской школы // Антропология советской школы: Культурные универсалии и провинциальные практики. Пермь, 2010. 300 с.
32. Макаренко А. С. Педагогическая поэма. — Пермь: Кн. Изд-во, 1986. — 575 с.
33. Малков Д. Дети пустых времен // Официальный сайт Алексея Иванова <Электронный ресурс> URL: <http://ivanproduction.ru/recenzii/geograf-globus-propil1/deti-pustyix-vremen.html> (дата обращения: 12.10.2014)
34. Местергази Е. Несколько слов о герое «литературы для взрослых и детей» // Российский писатель <Электронный ресурс> URL: <http://www.rospisatel.ru/konferenzija/mestrgazi.htm> (дата обращения: 20.04. 2016)
35. Метелкина О. О двух повестях Екатерины Мурашовой // Литературная учёба. 2011. № 4. С. 139–155.
36. Мокрушина О. А. Топос постсоветской школы в русской литературе XX – XXI веков: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01 (Пермь, 2014) 217 с.

37. Писатель Алексей Иванов: «Географ не алкаш, он пьет, когда надо совершить подлость». Интервью с А. Ивановым // Комсомольская правда. 2013. 12 ноября (№ 148). С. 15
38. Платонов А. Избранное. М., «Современник», 1977. 445 с.
39. Подлубнова Ю. С. Автожитийные тенденции в «Педагогической поэме» А. Макаренко <Электронный ресурс> URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=4398 (дата обращения: 13.03.2016)
40. Полонский Г. И. Ключ без права передачи: Киноповести. – М.: Дет. лит., 1980. – 208 с.
41. Распутин В. Г. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1. Рассказы; Повести/Вступ. статья Н. Котенко. – М.: Худож. лит., 1990. – 415 с.
42. Ребель Г. Уроки Географа // Официальный сайт Алексея Иванова. URL: <http://ivanproduction.ru/literoturovedenie/uroki-geografa.html> (дата обращения 20.01.2014).
43. Ребель Г.М. Художественно-идеологические тенденции в творчестве Алексея Иванова // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 4. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 489–496.
44. Роман Алексея Иванова «Географ глобус пропил» «перекочевал» со съемочной площадки на театральные подмостки // Интернет-газета Знак. <Электронный ресурс> URL: https://www.znak.com/2013-02-18/roman_alekseya_ivanova_geograf_globus_propil_perekocheval_so_sემოქმედების_არეალზე_საშენიანო_ფეხები (дата обращения: 21.04.16)
45. Сенчин Р. Бумажные люди плодят бумажных героев // Электронное издание "Человек без границ" <Электронный ресурс> URL: http://www.manwb.ru/articles/arte/literature/NewHeroe_NadGorlova (дата обращения: 15.05.2016)
46. Сигарев В. Пластилин // Официальный сайт Василия Сигарева <Электронный ресурс> URL: <http://vsigarev.ru/doc/plastilin.html> (дата обращения: 25.04.2016)

47. Симонова Л. Круг. // Электронная библиотека RoyalLib.com
<Электронный ресурс> URL:
http://royallib.com/book/simonova_liya/krug.html (дата обращения:
20.04.16)
48. Съёмки сериала «Школа» // РИА Новости, 13 января 2010 года
<Электронный ресурс> URL:
<http://ria.ru/culture/20100113/204260735.html> (дата обращения:
17.03.2015)
49. Сысоева О. А. Жанровая специфика романа Алексея Иванова «Географ глобус пропил» // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 184-186.
<Электронный ресурс> URL: www.gramota.net/materials/2/2014/2-2/50.html (дата обращения: 13.04.2016)
50. Тарасов О.В. «Школьные повести» в системе художественного творчества В.Ф. Тендрякова: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Москва, 1994. 130 с.
51. Троицкий А. Запись от 14.02.2010 // Блог А. Троицкого на сайте «Эхо Москвы» <Электронный ресурс> URL:
<http://echo.msk.ru/blog/troitskiy/656618-echo/> (дата обращения:
17.03.2015)
52. Черняк М. Игра на новом поле, или Еще раз о диагнозе российской прозы XXI века // Знамя. 2010. №11. С. 189
53. Черняк М.А. Школа как диагноз: опыт современной прозы // Детская литература сегодня: сб. науч. ст. Екатеринбург: УрГПУ, 2010. С. 7–18.
54. Чупринин С. Нулевые: годы компромисса // Знамя. 2009. №2
<Электронный ресурс> Журнальный зал URL:
<http://magazines.russ.ru/znamia/2009/2/ch18.html> (дата обращения:
12.02.2016)

55. Ширяев В. 1001 нож в спину нового реализма // Урал. 2011. №1.
<Электронный ресурс> URL:
<http://magazines.russ.ru/ural/2011/1/sh12.html> (дата обращения:
15.05.2016)
56. Энциклопедия символики и геральдики. <Электронный ресурс> URL:
<http://www.symbolarium.ru/index.php/Крыса> (дата обращения: 24.04.16)
57. Эскалация насилия в школах: за 2 года количество нападений на
учителей выросло в полтора раза. – Новости России: интернет портал
URL: <http://www.newsru.com/russia/18may2007/school.html> (дата
обращения: 10.03.2016)
58. Юзефович Г. Тренажер для души // Официальный сайт Алексея
Иванова <Электронный ресурс> URL:
[http://ivanproduction.ru/recenzii/geograf-globus-propil1/trenazher-dlya-
dushi.html](http://ivanproduction.ru/recenzii/geograf-globus-propil1/trenazher-dlya-dushi.html) (дата обращения: 12.10.2014)